Литовскія Епархіальныя Вѣдомости

Годъ тридцатый. | ВЫХОДЯТЪ по ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ. | 17-го Мая 1892 года.

Подписная цѣна съ пересылкою за годъ 5 рублей.
Отдѣльные №№ Литовскихъ Епарх. Вѣдом. за прошедшіе годы и за настоящій 1892 годъ по 10 к. (марками).
Подписка принимается въ г. Вильнѣ, въ Редакціи Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

№ 19.

При печатаніи объявленій, за каждую строку или мѣсто строки взимается:
за одинъ разъ 10 коп.
за два раза 15 „
за три раза 20 „

Содержаніе № 19.

— Государь Императоръ, во 2-й день сего мая, Высочайше соизволилъ на увольненіе присутствующаго въ Св. Синодѣ Архіепископа Литовскаго **Доната** во ввѣренную ему епархію.

17-го сего мая Его Высокопреосвященство изволилъ прибыть изъ СПБурга въ Вильно.

Мѣстныя Распоряженія.

— 1 мая, на должность помощника Гродненскаго благочиннаго назначенъ священникъ Комотовской церкви, Гродненскаго уѣзда, *Іоаннъ Куриловичъ*, и на должность члена совѣта Гродненскаго благочинія священникъ Черленской церкви *Александръ Рожановичъ*.

— По случаю предоставленія священническаго мѣста псаломщику Хотѣславской церкви Ситкевичу, 2 мая на мѣсто псаломщика при сей церкви назначенъ сынъ діакона, б. воспитанникъ I класса семинаріи *Николай Скорковскій*.

— 8 мая, псаломщикъ Свислочской Пречистенской церкви, Слонимскаго уѣзда, студентъ семинаріи *Аркадій Самойликъ*, согласно прошенію, перемѣщенъ къ Городокской церкви на мѣсто псаломщика студента семинаріи *Владиміра Самойловича*, перемѣщаемаго, также по прошенію, къ Болотской церкви, Кобринскаго уѣзда, на мѣсто псаломщика оной *Георгія Кузьминскаго*, который перемѣщается къ Свислочской Пречистенской церкви на мѣсто Аркадія Самойлика.

— 8 мая, на должность псаломщика къ церкви при западномъ отдѣленіи инвалиднаго для желѣзнодорожныхъ служащихъ дома близь ст. Влодава назначенъ канцелярскій служитель Литовской консисторіи, сынъ псаломщика *Александръ Недѣльскій*.

— 13 мая, утверждены въ **должности церковныхъ старостъ** выбранные къ церквамъ: 1) Островской, Сокольскаго уѣзда, кр—нъ села Острова Ѳеодоръ Яковлевъ Байгузъ; 2) Семятичской, Бѣльскаго уѣзда, отставной рядовой Осипъ Григорьевъ Зарѣцкій; 3) Мельникской, того же уѣзда, мѣщанинъ зашт. гор. Мельника Лука Ѳедоровъ Янушевичъ на второе трехлѣтіе; 4) Езерницкой, Слонимскаго уѣзда, кр—нъ м. Езерницы Антонъ Осиповъ Наумчикъ.

Мѣстныя извѣстія.

— **Пожертвованія**. Въ Деречинковскую церковь, Гродненскаго уѣзда, въ текущемъ году поступили слѣдующія пожертвованія: 1) отъ графа Красинскаго два подсвѣчника въ 48 р., двѣ лампадки въ 7 руб., чаша съ приборомъ въ 45 р., траурная риза и воздухи въ 25 р., панихидница въ 10 р. и 25 рублей деньгами на покраску крыши, всего 160 р.; 2) отъ мѣстнаго братства двѣ выносныя иконы, стоимостью въ 120 руб., 3) отъ прихожанъ: крестьянина Павла Пискунка двѣ небольшія иконы въ посеребрянныхъ окладахъ, въ 10 рублей, Алексѣя Садовскаго двѣ металлическія свѣчи въ 6 рублей, Исидора, Андрея и Маріи Климовичей Евангеліе въ 1/2 листа въ бархатномъ переплетѣ, въ 10 руб., мѣдный вызолоченый крестъ на постаментѣ въ 17 рублей и на свѣчи 1 р. 50 к.; мѣстнаго псаломщика—двѣ фунтовыя свѣчи въ 2 р., и по 1 50 к. на свѣчи отъ кр—нъ Григорія Лашака и Ѳомы Гайды.

Отчетъ Ковенскаго отдѣленія епархіальнаго комитета по сбору пожертвованій въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая за апрѣль.

1) Къ 1 апрѣля остатка не было.

2) Въ апрѣлѣ поступило отъ церквей: Ковенской соборной 20 р. 52 к., Кейданской 9 р. 35 к., Таурогенской 10 р., Юрбургской 4 р. 40 к., Александро-Слободской 1 р. 58 к., Ковенской Воскресенской 25 р. 56 к. и Оникштынской 4 р., всего 75 р. 41 к.

3) Получено отъ благочинныхъ: Новоалександровскаго 15 руб., Вилкомирскаго 5 р. 15 к., Шавельскаго 30 р. 30 к. и Дисненскаго 19 р. 93 к., всего 70 р. 38 к. Итого 145 р. 79 к.

Внесено въ Ковенское казначейство для зачисленія въ депозитъ г. Ковенскаго губернатора 145 р. 79 к., и къ 1 мая остатка нѣтъ.

Неоффиціальный Отдѣлъ.

Судьбы православія и русской народности въ б. Литовскомъ государствѣ, и въ частности, въ г. Вильнѣ.

(Публичное чтеніе 22 марта 1892 г.).

Вопросы о національности и вѣрѣ не могутъ не интересовать каждаго патріота, каждаго гражданина, особенно въ нашемъ западно-русскомъ краѣ, въ которомъ двѣ національности и два вѣроисповѣданія съ давнихъ временъ, особенно съ XVI ст., не могли мирно ужиться между собою, вели по временамъ ожесточенную борьбу, которая не прекратилась и до настоящаго времени. Вопросъ о томъ, какая народность—русская или польская, и какая вѣра—православная или католическая,—были преобладающими въ Литовскомъ государствѣ, учеными изслѣдователями, не только русскими, но и нѣкоторыми безпристрастными польскими историками, давно рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, т. е. что нашъ западно-русскій край искони былъ русскимъ и православная наша вѣра, по численности ея исповѣдниковъ, была преобладающею до введенія церковной уніи въ концѣ XVI вѣка. Но опытъ почти ежедневный показываетъ намъ, что наука и жизнь не всегда идутъ рука объ руку, а иногда совершенно расходятся между собою или по косности и невѣжеству народныхъ массъ, или по предразсудкамъ и предвзятымъ идеямъ интеллигентныхъ, образованныхъ слоевъ общества. Эти наблюденія ежедневнаго опыта вполнѣ примѣнимы къ вышеупомянутому вопросу,—вопросу о православіи и русской народности въ нашемъ краѣ. Что такое польскіе мятежи 31-го и 63-го годовъ, какъ не слѣдствія невѣжества народныхъ массъ, увлеченныхъ интеллигентными вожаками, мечтавшими о возстановленіи Польши—„отъ моря до моря“, со включеніемъ, конечно, Бѣлоруссіи, Волыни, Подоліи..., древняго достоянія Владиміра св. и его потомковъ—русскихъ князей. Ослѣпленные политическими предразсудками и предвзятыми идеями, эти вожаки не хотѣли знать исторіи, исторіи безпристрастной, чуждой національныхъ увлеченій и предразсудковъ. Не были-ль причастны этому политическому грѣху и многіе даже изъ коренныхъ русскихъ людей? Да, нельзя не сознаться,—были причастны, и только благодаря незабвеннымъ дѣятелямъ того времени,—приснопамятному митрополиту Іосифу Сѣмашко, графу М. Н. Муравьеву, М. Н. Каткову, М. О. Кояловичу, и на дняхъ почившему П. Н. Батюшкову и другимъ ихъ сподвижникамъ, мы начали изучать минувшую судьбу западно-русскаго края, и тогда только уразумѣли, что этотъ край былъ искони русскимъ, что православная вѣра распространялась въ коренной Литвѣ съ тѣхъ поръ, какъ Литва становится извѣстною въ исторіи, что русскій языкъ или такъ называемый западно-русскій языкъ былъ господствующимъ языкомъ до половины XVII в. Обратимся теперь къ исторіи, освѣжимъ въ своей памяти тѣ несомнѣнные историческіе факты, которые подтверждаютъ только-что высказанныя нами положенія.

Когда и какъ образовалось Литовское государство? Образовалось оно изъ тѣхъ областей, который нынѣ извѣстны подъ именемъ Западной Россіи, а именно: Бѣлоруссіи, Украйны и Литвы въ собственномъ смыслѣ, т. е. страны, населенной коренными литовскими племенами. Всѣ эти области и населяющія ихъ племена съ незапамятныхъ временъ находились въ близкихъ взаимныхъ сношеніяхъ и раздѣляли одну общую имъ историческую участь. Всѣ онѣ вмѣстѣ, въ томъ числѣ и значительная часть Литвы (Ятвяги) находились первоначально подъ властью русскихъ князей рода св. Владиміра, вел. князя Кіевскаго, и жили общею русскою жизнію. Всѣ онѣ потомъ, за немногими исключеніями, перешли подъ власть литовскихъ князей и образовали такъ называемое великое княжество Литовское. Сообщимъ краткія свѣдѣнія о Литовскомъ племени, давшемъ свое имя этому княжеству.

До половины XIII в. Литовское племя, обитавшее на Балтійскомъ поморьи, не имѣло городовъ и князей и не составляло государства. Оно представляло разсыпанную массу небольшихъ волостей, управлявшихся независимыми вождями, безъ всякой государственной связи другъ съ другомъ. Народы литовскіе объединялись только единствомъ происхожденія, языка и быта, тождествомъ преданій и языческой вѣры, общими для всего племени святилищами и общимъ сословіемъ жрецовъ, состоявшихъ подъ управленіемъ верховнаго жреца Криве-Кривейта. Бѣдность и дикость Литвы побуждали ее иногда предпринимать мелкіе набѣги на болѣе зажиточныхъ сосѣдей, т. е. на Русь и Польшу. Но эти страны уже вышли изъ того полудикаго состоянія, въ какомъ оставалась Литва, уже развили свой государственный бытъ и гражданственность на началахъ христіанства и потому естественно берутъ верхъ надъ Литвою, если не всегда въ военномъ, то непремѣнно въ гражданскомъ отношеніи. По свидѣтельству русской начальной лѣтописи, уже св. Владиміръ и сынъ его Ярославъ Мудрый ходили на Ятвяговъ и Литву, оттѣснили ихъ далѣе на сѣверо-западъ и водворили въ покоренныхъ земляхъ христіанство и гражданственность. Съ тѣхъ поръ извѣстія о враждебныхъ столкновеніяхъ Руси съ Литвою повторяются все чаще и чаще. Русскія дружины проникали въ глубь литовскихъ земель, брали съ нихъ дань скотомъ, челядью, звѣриными шкурами, а съ бѣднѣйшихъ жителей, по свидѣтельству польскаго лѣтописца, будто бы собирали дань лыками и вѣниками. По раздробленіи Руси на удѣлы, борьбу съ Литвою вели преимущественно князья полоцкіе и волынскіе. По раздробленіи Полоцкой области на мелкіе удѣлы, удѣльные князья начинаютъ ссориться и враждовать между собою и для одолѣнія противниковъ нерѣдко призываютъ къ себѣ на помощь литовцевъ. Съ этого времени литовцы все чаще и чаще начинаютъ появляться въ Полоцкой Руси то какъ союзники, то какъ враги отдѣльныхъ князей. Такимъ образомъ литовцы постепенно втягиваются во внутреннія дѣла русскихъ удѣльныхъ княжествъ, знакомятся съ военнымъ искусствомъ русскихъ, съ ихъ нравами и обычаями, свыкаются съ мыслью о ихъ слабости и внутреннемъ неустройствѣ, и уже не ограничиваются участіемъ въ въ полоцкихъ междоусобіяхъ, но предпринимаютъ походы на Русь съ цѣлью пріобрѣтенія военной добычи, а затѣмъ и захвата земель. Уже въ концѣ XII в. пѣвецъ „Слова о полку Игоревѣ“ зналъ о походѣ литовцевъ противъ неизвѣстнаго по лѣтописямъ городецкаго князя Изяслава Васильковича, погибшаго въ борьбѣ съ литовцами, и вотъ какъ изобразилъ современное ему печальное положеніе Полоцкой земли: „Двина мутно течетъ у полочанъ подъ грознымъ кликомъ поганой Литвы. Одинъ только Изяславъ сынъ Васильковъ позвонилъ острыми мечами о шеломы литовскіе, соревнуя славѣ дѣда своего Всеслава; но и самъ онъ лежитъ на кровавой муравѣ подъ червленными щитами, изрубленный мечами литовскими. Не было съ нимъ брата Брячислава и другого брата Всеволода; одинъ онъ изронилъ

жемчужную душу изъ храбраго тѣла чрезъ золотое ожерелье". Эта борьба Литвы съ Русью дала первый толчекъ объединенію мелкихъ литовскихъ племенъ въ одно политическое цѣлое, въ одно государство. Объединеніе это было ускорено новою опасностью со стороны двухъ нѣмецкихъ военно-монашескихъ орденовъ, Ливонскаго и Тевтонскаго, поселившихся на прибалтійскомъ побережьи, вдоль нижняго теченія западной Двины въ XII в., съ исключительною цѣлью распространенія латинской вѣры между литовскими язычниками и покоренія ихъ своей власти. Борьба литовцевъ съ тевтонскими рыцарями продолжалась около 200 л. Первымъ болѣе виднымъ строителемъ литовско-русской государственности былъ литовскій князь Миндовгъ (1235—1263). Кромѣ чистой коренной Литвы, онъ владѣлъ всѣмъ тѣмъ пространствомъ Бѣлоруссіи, какое ограничивается рѣками—Двиной, Днѣпромъ и Припетью.

Послѣ 12-лѣтнихъ смутъ, вызванныхъ смертью Миндовга, выступилъ на историческое поприще новый литовскій княжескій родъ, давшій цѣлый рядъ доблестныхъ литовско-русскихъ князей,—родъ Гедимина (1316—1341). Сдѣлавшись великимъ княземъ, Гедиминъ ясно понялъ значеніе въ Литовскомъ государствѣ русскихъ силъ, съ помощью которыхъ успѣлъ остановить завоевательное движеніе тевтонскихъ рыцарей, расширилъ предѣлы своихъ владѣній присоединеніемъ къ нимъ многихъ русскихъ земель и образовалъ сильное литовско-русское государство, обнимавшее почти весь нынѣшній сѣверо-западный край. Въ описаніяхъ отдѣльныхъ случаевъ борьбы Литовскаго государства съ нѣмецкими рыцарями и въ извѣстіяхъ о внутреннемъ состояніи Литвы при Гедиминѣ ярко выступаетъ подавляющее русское значеніе, русское вліяніе. Витенъ, братъ Гедимина, совершаетъ многочисленные и удачные походы противъ нѣмцевъ съ литовскими и русскими войсками. Съ приливомъ русскихъ силъ происходитъ и перемѣна къ лучшему въ устройствѣ военнаго дѣла и въ государственной жизни вел. кн. Литовскаго. Русскимъ людямъ поручаютъ командовать отдѣльными отрядами и защиту пограничныхъ укрѣпленій отъ нѣмцевъ, какъ напр., Давиду, старостѣ гродиен. Русскимъ поручались попреимуществу посольства въ сношеніяхъ литовск. князей съ сосѣдними государствами [1]. Въ Литвѣ заводятся русскіе гражданскіе порядки. Нѣкоторыя пограничныя области [2] и мелкія удѣльныя княжества русскія добровольно подчиняются Гедимину, явно покровительствовавшему русской народности и отличавшему русскихъ людей. Самъ князь вступаетъ чрезъ своихъ дочерей и сыновей въ родственныя связи съ домомъ св. Владиміра. Вѣра православная получаетъ свободный доступъ въ Литву и находитъ тамъ многочисленныхъ послѣдователей. Наконецъ, и самъ великій князь принимаетъ громкій титулъ короля Литвы и Руси, какъ бы связывая двѣ сильныя народности подъ одною верховною властью [3]. Несмотря на разность вѣръ литовцы и русскіе мирно уживались между собою, благодаря широкой вѣротерпимости Гедимина, который дозволялъ безпрепятственно строить и украшать православные храмы въ своихъ владѣніяхъ. Отъ его времени сохранился колоколъ съ надписью 1320 г., принадлежащій Троицкой церкви въ нынѣшнемъ селѣ Новодницѣ, Гродненской губерніи, Бѣлостокскаго уѣзда. Для большаго объединенія литовско-жмудскаго и славяно-русскаго народонаселенія своего государства, Гедиминъ оставляетъ прежнюю столицу Литвы Новгородокъ, и на чертѣ соприкосновенія тѣхъ и другихъ племенъ основываетъ преемственно новыя столицы, сначала въ Трокахъ, а потомъ въ Вильнѣ.

Достойнымъ преемникомъ Гедимина былъ сынъ его Ольгердъ (1345—1377). Предѣлы Литовскаго государства при немъ на сѣверо-западѣ почти совпадали съ нынѣшними предѣлами сѣверо-западнаго края, а на югѣ и юговостокѣ оно обнимало Черниговскую и Сѣверскую земли, княжество Кіевское, Волынь и Подолію до самаго Чернаго моря. Тайна громадныхъ и быстрыхъ успѣховъ Ольгерда въ расширеніи границъ Литовскаго государства насчетъ русскихъ земель заключалась въ томъ, что въ своихъ стремленіяхъ онъ всецѣло опирался на русское населеніе своего государства, оберегалъ его вѣрованія, обычаи, права, и взаимно пользовался довѣріемъ и расположеніемъ къ нему русскаго населенія, видѣвшаго въ его могуществѣ оплотъ противъ темной татарской силы. Такому направленію политики Ольгерда внутренней и внѣшней способствовали немало—его воспитаніе и вообще обстоятельства его жизни до вступленія на великокняжескій престолъ. Ольгердъ два раза былъ женатъ на русскихъ княжнахъ: Маріи Ярославнѣ Витебской и—Іуліаніи Тверской. Большая часть жизни его протекла на Руси,—въ Витебскѣ и Полоцкѣ,—среди русскаго населенія, подъ вліяніемъ русской гражданственности и просвѣщенія. По всей вѣроятности, въ Витебскѣ Ольгердъ принялъ св. крещеніе съ именемъ Александра, хотя старался придать этому событію частный, негласный характеръ, въ виду сильной тогда въ Литвѣ языческой партіи.

Сдѣлавшись вел. княземъ Литовскимъ и переселившись въ Вильну, Ольгердъ и здѣсь оказывалъ покровительство православію и русской народности. Первая жена его, Марія Витебская, основала въ Вильнѣ Пятницкую церковь, въ которой и погребена была. Православная вѣра стала дѣлать столь быстрые успѣхи въ языческомъ населеніи г. Вильны, что жрецы начали опасаться полнаго паденія національнаго культа. Недовольство жрецовъ достигло крайней степени, когда духовникъ великой княгини Несторъ, успѣлъ обратить въ христіанство трехъ знатныхъ литвиновъ, приближенныхъ къ великому князю. Жрецы потребовали отъ князя примѣрнаго наказанія вѣроотступниковъ. Не желая доводить до крайняго раздраженія жрецовъ и приверженцевъ язычества, Ольгердъ рѣшился отдать въ ихъ руки прежнихъ своихъ любимцевъ. Непоколебимые исповѣдники вѣры Христовой приговорены были къ позорной казни, какой подвергали тяжкихъ преступниковъ: они были повѣшены на мѣстѣ общей казни преступниковъ, на горѣ, находившейся въ концѣ города, который впослѣдствіи назывался русскимъ концомъ, въ 1347 г. 14 апрѣля. Это были всѣмъ намъ извѣстные св. мученики Виленскіе—Антоній, Іоаннъ и Евстафій—*Кумецъ*, *Круглецъ* и *Нежило*—въ язычествѣ. Вскорѣ послѣ сего умерла первая жена Ольгерда. Христіане, пользуясь покровительствомъ второй жены Ольгерда, Іуліаніи Тверской, выпросили у Ольгерда гору, на которой пострадали св. мученики и при содѣйствіи великой княгини построили храмъ во имя св. Троицы (деревянный), престолъ котораго, по преданію, былъ устроенъ тамъ, гдѣ стоялъ дубъ, на которомъ пострадали за исповѣданіе св. Троицы, Троицѣ равночисленные св. мученики. Въ эту св.-Троицкую

[1]) Батюшковъ, Бѣлоруссія и Литва, стр. 62.

[2]) Волынь присоединена въ послѣдній годъ княженія Гедимина, чрезъ женитьбу сына Гедимина Любарта на дочери послѣдняго волынскаго князя Льва Юрьевича. Брянцевъ, Исторія Литовскаго государства, стр. 116.

[3]) Батюшковъ, Бѣлор. и Литва, стр. 63.

церковь были перенесены тѣла св. мучениковъ, первоначально погребенныя при Св.-Николаевской церкви. Съ этого времени вся окрестная мѣстность стала заселяться жителями исключительно „русской вѣры", т. е. православными и потому получила названіе „русскаго конца", который впослѣдствіи сталъ называться также „Острымъ концомъ", который завершался церковію св. Петра съ прилежащей къ ней башней на городской стѣнѣ. Въ этой башнѣ, впослѣдствіи, по русскому обычаю, была помѣщена св. икона Божіей Матери Одигитріи, т. е. Путеводительницы, принесенная Ольгердомъ, послѣ одного изъ его походовъ въ Крымъ, изъ Корсуня и подаренная имъ своей супругѣ.

Изъ сказанія о свв. виленскихъ мученикахъ видно, что страдальческая ихъ кончина въ исторіи Литовскаго народа была исключительнымъ явленіемъ; это была вспышка потухающей искры язычества. „Отъ самаго начала власти великихъ князей литовскихъ, надъ землями русскими, говоритъ польскій историкъ Нарбутъ, не смотря на большую разность вѣры, никогда въ Литвѣ не было нетерпимости христіанства..., поэтому православная вѣра, путемъ кроткаго убѣжденія въ святыхъ истинахъ распространялась въ Литвѣ прежде нежели правительство думало принять къ этому мѣры" [1]).

Ольгердъ умеръ въ 1377 г., оставивъ свое государство на пути къ полному обрусенію. Православная вѣра при немъ безпрепятственно развивалась между всѣми сословіями. Къ концу XIV в. общимъ счетомъ 56 литовскихъ князей исповѣдывали православную вѣру, 16 русскихъ княженъ были въ замужествѣ за литовскими князьями и 15 литовскихъ княженъ было выдано за князей русскихъ. Православная вѣра очень рано проникла даже въ отдаленную замкнутую Жмудь, гдѣ впослѣдствіи становится извѣстнымъ цѣлый рядъ православныхъ храмовъ и монастырей, какъ напр., Сурдекскій. „Если бы такое теченіе дѣлъ продолжалось еще нѣкоторое время, говоритъ другой польскій историкъ, Ярошевичъ, то Литва, усвоивъ себѣ русскій языкъ, русскіе обычаи, отчасти и русское законодательство, принимая русское вѣроисповѣданіе съ духовной властью русской церкви и вступая часъ отъ часу въ болѣе тѣсныя сношенія съ цѣлой Русью посредствомъ семейныхъ связей своихъ князей, Литва, говорю, перемѣнила бы свою литовско-языческую народность на христіанско-русскую" [2]). Какъ близки были Ольгерду интересы его православныхъ подданныхъ, видно изъ его заботъ образовать особую литовско-русскую митрополію. Съ этою цѣлью Ольгердъ избралъ и послалъ кандидата изъ своихъ подданныхъ, Романа, въ Цареградъ къ патріарху для возведенія его въ санъ митрополита литовскаго. Желаніе Ольгерда было исполнено: патріархъ возвелъ Романа въ санъ митрополита литовскаго съ подчиненіемъ ему епархій Полоцкой, Туровской и Волынской. По смерти Романа властію того же патріарха цареградскаго св. Алексій возстановленъ въ правахъ митрополита Кіева и всея Руси. Къ концу своей жизни Ольгердъ построилъ въ Вильнѣ Пречистенскую церковь, въ которой и погребенъ [3]).

Но вопреки естественному ходу дѣлъ, одинъ изъ сыновей Ольгерда, Ягайло, рѣшился повернуть исторію вел. кн. Литовскаго въ другую, совершенно противоположную сторону.

[1]) Dzieje st. narodu Lit. T. VI, стр. 339.
[2]) Ярошевичъ, Obraz Litwy... ч. 2, стр. 7.
[3]) Карамзинъ, Ист. Гос. Рос. т. V, стр. 417, прим. 50.

По смерти Ольгерда, Литовскимъ княземъ провозглашенъ былъ Ягайло, по желанію матери его Іуліаніи, помимо старшихъ братьевъ своихъ. Этою несправедливостью въ престолонаслѣдіи и особенно вѣроломствомъ по отношенію къ великодушному дядѣ своему Кейстуту, убитому подосланными Ягайлой убійцами, Ягайло раздражилъ противъ себя старшихъ своихъ братьевъ и чрезъ то потерялъ для себя опору въ борьбѣ съ внутренними и внѣшними врагами своими, особенно нѣмецкими (тевтонскими) рыцарями. Среди трудныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ очутилось Литовское государство, тѣснимое съ сѣверо-запада нѣмецкими рыцарями, а на сѣверо-востокѣ Московскою Русью,—вдругъ открываются для Ягайлы виды на польскую корону и на государственное соединеніе Литвы съ Польшею.

Въ 1382 г. умеръ польскій король Людовикъ Венгерскій, не оставивъ наслѣдниковъ мужескаго пола. Поляки избрали своей королевой младшую дочь его Ядвигу. Нужно было пріискать ей выгоднаго въ политическомъ отношеніи жениха. Никто не могъ быть выгоднѣе Ягайлы, съ которымъ были у нихъ счеты и столкновенія изъ-за южнорусскихъ земель и въ которомъ видѣли опору для трудной борьбы съ нѣмцами, одинаково враждебными Польшѣ и Литвѣ; ничего не могло быть лучше и для Ягайлы, какъ вступить въ этотъ бракъ и, соединившись съ поляками, обезопасить себя отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Ягайло съ радостію согласился на всѣ условія, какія предлагали ему поляки для вступленія въ бракъ съ Ядвигой, — между прочимъ,—соединить Литву съ Польшей, обратить въ латинство своихъ братьевъ, родственниковъ, бояръ, земянъ и, конечно, самому принять латинство. Въ 1386 г. Ягайло избранъ на Люблинскомъ сеймѣ польскимъ королемъ: въ томъ-же году, въ Краковѣ, произошелъ торжественный переходъ его изъ православія въ латинство, причемъ онъ вторично былъ крещенъ и, вмѣсто Якова, названъ Владиславомъ [1]). Вмѣстѣ съ нимъ, въ угоду полякамъ, перешли въ латинство и нѣкоторые изъ братьевъ Ягайлы, въ томъ числѣ и Витовтъ. Временныя выгоды соединенія Литвы съ Польшею ослѣпили большую часть знатныхъ литовцевъ. Витовтъ получилъ обѣщаніе управлять всею Литвою, на то же надѣялись и другіе братья Ягайлы. Одинъ только Андрей Ольгердовичъ (Вингольдъ), князь полоцкій не прельстился временными выгодами, устоялъ въ православіи и сталъ во главѣ возстанія тѣхъ, которые предвидѣли гибельныя послѣдствія соедененія Литвы съ Польшей. Только неблагоразуміе Андрея, призвавшаго къ себѣ на помощь нѣмцевъ, одинаково ненавистныхъ полякамъ и литовцамъ, было причиною неудачнаго исхода этого возстанія. Андрей былъ взятъ въ плѣнъ, Полоцкая область его предана огню и мечу. Подавивши такъ удачно возстаніе, Ягелло, по словамъ Нарбута, въ слухъ всей Литвы, Польши и папы объявилъ литовско-русскихъ православныхъ мятежниками и схизматиками" [2]).

Такъ произошло первое соединеніе Литвы съ Польшею въ одно государство (1386 г.). Соединеніе это повидимому было только гражданское и то не очень тѣсное: каждая страна управлялась самостоятельно, и только власть короля и иногда сеймы должны были быть общими. Но поляки и папа римскій дали этому соединенію не только гражданскій, но и религіозный смыслъ. Первымъ и главнѣйшимъ усло-

[1]) Крашевскій, Wilno... T. 1, стр. 73.
[2]) Dzieje nar. L. т. V, стр. 387—395.

віемъ соединенія Литвы съ Польшей постановлено господство и повсемѣстное распространеніе въ Литвѣ латинства. Въ грамотѣ, данной Виленскому латинскому епископу по случаю соединенія Литвы съ Польшей находятся такія требованія касательно латинства, что исполненіе ихъ должно было необходимо сопровождаться истребленіемъ въ Литвѣ не только язычества, но и православія. „Мы разсудили,— говоритъ въ этой грамотѣ Ягайло,—постановили, обѣщали, обязались и по принятіи св. таинъ дали клятву всѣхъ людей народа Литовскаго обоего пола, въ какомъ бы они ни были званіи, состояніи и чинѣ, къ вѣрѣ католической и святому послушанію римской церкви привести, притянуть и всѣми способами присоединить, какой бы секты и различія они ни были" [1]).

Исполняя свое обязательство, Ягайло немедленно приступилъ къ дѣлу. Въ 1387 г. онъ прибылъ съ Ядвигой въ Вильну и тотчасъ же созвалъ сеймъ, на которомъ рѣшено было крестить въ католическую вѣру всѣхъ природныхъ литовцевъ обоего пола и всякаго званія, къ какому бы иному исповѣданію ни принадлежали они. Смѣшанные браки запрещены, но если бы такой бракъ случился, то сторону некатолическую можно даже тѣлеснымъ наказаніемъ принудить принять католичество. Чтобы облегчить дѣло крещенія, Ягайло далъ крестившимся литовскимъ боярамъ грамоту, которою они уравнивались въ правахъ съ польскою шляхтою. Виленскимъ горожанамъ, послѣ принятія католичества, обѣщано введеніе у нихъ такъ назыв. магдебургскаго права. Но всѣ эти блага не распространялись на тѣхъ, кто или не принялъ католичества или отрекся отъ него. Въ короткое время Ягайлой крещено было 30 тысячъ человѣкъ. Для утвержденія въ своемъ государствѣ новой вѣры, Ягайло, въ томъ же 1387 г., построилъ въ Вильнѣ латинскій каѳедральный костелъ во имя св. Станислава на томъ мѣстѣ, гдѣ во времена язычества горѣлъ неугасаемый огонь Зничъ предъ кумиромъ Перкуна или Перуна, учредилъ латинскую архіеп. каѳедру для всѣхъ литовцевъ; онъ построилъ также нѣсколько костеловъ въ разныхъ областяхъ своего государства, и такимъ образомъ былъ дѣйствительнымъ основателемъ латинской церкви въ Литовскомъ государствѣ.

Бросимъ теперь бѣглый взглядъ на судьбы латинства въ Литвѣ до Ягайлы. Первыя свѣдѣнія о латинскихъ костелахъ и монастыряхъ въ Литвѣ относятся еще ко временамъ княженія Миндовга (2-я пол. XIII в.), который, будучи тѣснимъ съ одной стороны галицко-волынскими князьями, а съ другой—ливонскими рыцарями, притворно изъявилъ желаніе принять латинство и допустилъ въ столицу свою Новогородокъ латинскаго епископа Христіана, котораго однако вскорѣ выгналъ оттуда и снова объявилъ себя язычникомъ. Гедиминъ, тоже тѣснимый нѣмцами, въ 1323 г. послалъ къ папѣ двусмысленное письмо, давшее поводъ думать о желаніи его принять католичество. Изъ содержанія и обстоятельствъ этого письма видно, что при Гедиминѣ находились католическіе монахи доминиканскаго и францисканскаго орденовъ, и что для послѣднихъ онъ обѣщалъ построить въ Вильнѣ костелъ. Съ отказомъ Гедимина отъ католичества исчезли изъ Вильны и монахи католическіе. „При началѣ княженія Ольгерда, замѣчаетъ лѣтописецъ, римской вѣры не было, только русская замѣшалася" [2]).

[1]) Prawa i przyw. od nay. królow nadane, стр. 6, изд. 1632.

[2]) Батюшковъ. Бѣлоруссія и Литва, стр. 91. Хроника Быховца,—у Ярушевича—Obraz Litwy, ч. 2, пр. 9, стр. 170.

Впослѣдствіи однако католичество проникло въ Литву и въ частности въ Вильну, хотя и имѣло здѣсь незавидную участь. Одинъ литовскій вельможа, по имени Гаштольдъ, женившійся на дочери польскаго магната пана Бучацкаго, ревностнаго паписта, принявъ латинство въ Краковѣ, съ дозволенія князя, построилъ на своемъ дворѣ въ Вильнѣ францисканскій монастырь [1]). Однажды, во время отсутствія Гаштольда, толпа виленскихъ язычниковъ бросилась на монастырь и сожгла его, а франц. монаховъ, семь человѣкъ, убила,—а другихъ семерыхъ, привязавъ каждаго ко кресту, пустила внизъ по рѣкѣ Виліи, сказавъ: „съ запада солнца пришли вы, на западъ и ступайте за то, что сказили нашихъ боговъ". Возвратясь изъ похода (Московскаго), князь жестоко наказалъ участниковъ этого злодѣйства, казнивъ до 500 человѣкъ. На мѣсто погибшихъ монаховъ Гаштольдъ вызвалъ другихъ монаховъ того же ордена и поселилъ ихъ на новомъ дворѣ своемъ, на Пескахъ [2]), вступилъ самъ въ этотъ орденъ и сталъ распространять и проповѣдывать народу латинство, но вскорѣ погибъ съ своими товарищами при нападеніи татаръ, которыхъ навели на кляшторъ виленцы. Такая-же участь постигла францисканцевъ, поселившихся въ Лидѣ: они были побиты народомъ [3]). Такимъ образомъ, со времени перваго заявленія Миндовга о желаніи принять латинство до совращенія въ латинство Ягайлы, т. е. въ теченія свыше 130 лѣтъ, успѣхи католичества въ Литвѣ ограничивались только постройкой двухъ-трехъ кляшторовъ, которые были разрушаемы народомъ. Ясно, что латинская вѣра могла быть введена въ Литвѣ только княжескою властію и не безъ большихъ усилій и принудительныхъ средствъ.

Изъ вышеизложеннаго видно, что латинство въ Литвѣ и, въ частности, въ Вильнѣ, до Ягайлы почти не существовало и попытки ввести его и распространить въ народѣ оказывались безуспѣшными, между тѣмъ какъ православная вѣра, при Гедиминѣ и особенно при Ольгердѣ, какъ мы видѣли, имѣла громадный успѣхъ. Чѣмъ объяснить это явленіе? Вѣдь по сосѣдству съ Литвою, въ Пруссіи и Ливоніи, поселились два военно-монашескіе ордена съ исключительною цѣлію обращенія литовцевъ въ латинство. Явленіе это объясняется тѣмъ, что оба эти ордена распространяли христіанство не путемъ кроткаго убѣжденія, а путемъ принужденія и насилія. Русь и Литва одинаково ненавидѣли этихъ вооруженныхъ проповѣдниковъ, сопровождавшихъ свою проповѣдь огнемъ и мечемъ [4]).

Замыслы латино-польской партіи объ уничтоженіи въ Литвѣ православія и русской народности путемъ соединенія Литвы и Польши въ одно государство, со всею ясностью обнаружились на пресловутомъ общемъ сеймѣ поляковъ и литовцевъ въ 1413 г. въ Городлѣ. На этомъ сеймѣ составленъ прославленный поляками актъ соединенія Литвы съ Польшей, сущность коего состояла въ слѣдующемъ:

Литва и Польша соединяются въ одно государство, одинъ народъ, одно тѣло.

Литва получаетъ сеймы и должности, подобные польскимъ.

[1]) Гдѣ нынѣ домъ душевно-больныхъ и костелъ бонифратеровъ. Ярошевичъ, Obraz Lit. стр. 13.

[2]) Тамъ, гдѣ и нынѣ находится закрытый францисканскій монастырь. Ярошевичъ, Obraz Lit. стр. 13.

[3]) Ярошевичъ. Obraz Litwy, ч. 2, стр. 12—14.

[4]) Ярошевичъ, Obraz Lit. ч. 2, стр. 11—12.

Литовское дворянство удостоивается польскихъ гербовъ, приписываясь къ польскимъ родовымъ гербамъ; но гербами и другими преимуществами могутъ пользоваться только лица латинскаго вѣроисповѣданія. Схизматики (православные) и прочіе невѣрные не могутъ занимать никакихъ высшихъ должностей.

Благодаря послѣднему условію, литвины-латиняне поставлены въ положеніе господъ; русскіе православные—въ положеніе рабовъ. Вотъ гдѣ начало той политической и религіозной нетерпимости между двумя родственными народами—русскими и поляками, которая со всею силою обнаружилась со введеніемъ церковной уніи, плоды которой мы вкушаемъ и донынѣ.

Не смотря однако на различныя ограниченія и стѣсненія православной церкви, она продолжала развиваться и распространяться въ Литовскомъ государствѣ, благодаря многочисленности и плотности православнаго населенія и тому покровительству, какимъ она пользовалась со стороны удѣльныхъ и служилыхъ литовско-русскихъ князей и вельможъ. Въ то время какъ жмудины поголовно разрушали латинскіе костелы, построенные Ягайлой и Витовтомъ, въ то же самое время православные храмы и монастыри свободно строились и учреждались не только въ русскихъ областяхъ, но и въ литовскихъ и жмудскихъ городахъ (въ Трокахъ, напр., монастырь и церковь во имя Рождества Пресв. Богородицы). Не желая одновременно поднимать противъ себя язычниковъ и православныхъ, Ягайло и Витовтъ рѣшились не принуждать православныхъ къ латинству и даже издали нѣсколько грамотъ, охраняющихъ неприкосновенность разныхъ православныхъ церквей въ Луцкѣ, Трокахъ и другихъ городахъ Литовскаго государства [1]).

Какой языкъ былъ господствующимъ въ Литвѣ? „Еще во времена язычества, пишетъ одинъ польскій ученый, въ Литвѣ говорили порусски въ дворцахъ и хижинахъ" [2]). Какъ русскій языкъ водворился при великокняжескомъ дворѣ, понять легко изъ вышеизложеннаго. Князья литовскіе, какъ мы видѣли, женились на княжнахъ русскихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что какъ жены должны были навыкать языку своихъ мужей, такъ и мужья должны были знакомиться съ языкомъ своихъ женъ—христіанокъ, у которыхъ, кромѣ русскихъ духовниковъ, несомнѣнно была и прислуга русская. Который же языкъ долженъ былъ взять перевѣсъ? Несомнѣнно, языкъ русскій. Даже помимо этого обстоятельства (женитьбы на русскихъ княжнахъ), первые литовскіе князья должны были знать русскій языкъ, на которомъ говорило большинство ихъ подданныхъ. Княжескія дѣти, находясь подъ ежедневнымъ надзоромъ своихъ русскихъ матерей и русской прислуги, естественно должны были прежде всего усвоить себѣ языкъ своихъ матерей, чѣмъ языкъ отцовъ. Въ силу этихъ обстоятельствъ и придворные должны были учиться русскому языку. Въ семействахъ Гедимина, Ольгерда, Ягайлы, Витовта говорили по-русски. Объ этомъ есть несомнѣнныя историческія свидѣтельства. Ольгердъ, напр., имѣя обѣихъ женъ русскихъ, до такой степени сроднился съ ихъ языкомъ, что даже на печати великокняжеской имѣлъ надпись русскую. Эта печать приложена къ мирному договору, заключенному 1366 г. Ольгердомъ и Кейстутомъ съ королемъ польскимъ Казиміромъ В. [1]). Ягайло, по словамъ Ярошевича, говорилъ по-русски. Сдѣлавшись королемъ польскимъ, изъ угожденія полякамъ, перестал говорить по-русски; но такъ какъ не зналъ ни латинскаго, ни польскаго языковъ, то началъ говорить по-чешски, т. е. на такомъ языкѣ, который ближе всѣхъ къ русскому [2]). Витовтъ и говорилъ и писалъ по-русски. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, данная имъ грамота на часть Трокскаго озера, пожалованнаго имъ Трокской Пречистенской церкви (1384 г.),—„на прозьбу и жодане княгини великое Ульяны" [3]),—тетки своей. Насколько русскій языкъ распространенъ былъ не только при дворѣ Витовта, но и въ его дружинѣ, можетъ свидѣтельствовать слѣдующій разсказъ, сохранившійся въ одной старинной рукописи, о существованіи которой свидѣтельствуетъ историкъ Литовскаго народа Нарбуттъ. Въ 1399 г., повѣствуетъ эта рукопись, передъ несчастной для литовцевъ битвою съ татарами на Ворсклѣ, въ станѣ Витовта явился невѣдомый старецъ, говорившій на всѣхъ языкахъ, знавшій всѣхъ и предсказавшій пораженіе литовцевъ. Когда Витовтъ, сдѣлавши смотръ своимъ войскамъ, возвратился въ свою палатку съ князьями, панами и воеводами литовскими, старецъ поздравлялъ каждаго по-русски и называлъ, по русскому обычаю, по имени и отчеству, и только иногда говорилъ по-польски, по-латыни и по-нѣмецки—если кто не понималъ языка русскаго" [4]). Въ разсказѣ этомъ нѣтъ ничего неправдоподобнаго. Что при великокняжескомъ дворѣ литовскихъ князей былъ русскій обычай—называть другъ друга по имени и отчеству, объ этомъ находимъ ясныя указанія въ хроникѣ Стрыйковскаго. У него всѣ литовскіе князья называются по отчеству—на *вичъ*: Гедиминовичъ (Gediminovic), Ольгердовичъ и т. п., а о полякахъ послѣ имени прибавляется: *сынъ* такого-то, по обычаю польскому. О Свидригайлѣ Нарбутъ говоритъ, что народъ любилъ его особенно за привязанность къ народности русской. Говорилъ онъ и писалъ исключительно по-русски, такъ что даже съ нѣмецкими рыцарями велъ переписку на русскомъ языкѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ сохранившееся въ кенигсбергскомъ архивѣ письмо его къ великому магистру Павлу Русдорфу 3 мая 1433 г., написанное по-русски. Письмо это у Нарбутта напечатано цѣликомъ [5]). Нужно-ли говорить о языкѣ, какой употреблялся въ дипломатическихъ и юридическихъ актахъ литовскихъ до введенія церковной уніи? Интересующіеся этимъ вопросомъ пусть потрудятся зайти въ нашу Виленскую публичную библіотеку, въ нашъ Виленскій центральный архивъ, чтобы лично убѣдиться въ томъ, что, за немногими исключеніями, всѣ грамоты, всѣ юридическіе акты и гражданскія сдѣлки, все дѣлопроизводство въ магистратахъ, въ судахъ земскихъ и гродскихъ (уголовныхъ) и въ трибуналѣ велись на русскомъ языкѣ. Сводъ законовъ литовскихъ, извѣстный подъ именемъ Литовскаго Статута, изданъ для всеобщаго употребленія—на русскомъ языкѣ. Употребленіе *нерусскаго* языка и письма *нерусскаго* въ судопроизводствѣ было воспрещено тѣмъ-же Статутомъ Ли-

---

[1]) Ярошевичъ, Obraz Litwy, ч. 2, стр. 32.

[2]) Маціевскій, Pamięt. o dziej. i praw. słow. Изд. 1839. т. 1, стр. 344.

[1]) Чацкій, o lit. i pol. praw. T. 1, стр. 47; прим. 262 и стр. 73.

[2]) Ярошевичъ, Obraz Litwy, ч. 2, стр. 122.

[3]) Собраніе актовъ г. Вильны и Трокъ ч. 2, № 55.

[4]) Нарбутъ, Dzieje st. nar. Litew. т. V, стр. 612—615.

[5]) Нарбутъ, Dieje st. nar. Lit. T. VII. Приложеніе стр. 132—134.

товскимъ [1]). Все это въ точности исполнялось до времени уніи [2]).

Такое всеобщее употребленіе русскаго языка указываетъ на многочисленность населенія, говорившаго и писавшаго на этомъ языкѣ,—населенія, конечно, православнаго-русскаго. О многочисленности православно-русскаго населенія въ Литвѣ, православныхъ храмовъ и монастырей въ описываемое нами время (XIV—XV ст), можно судить по числу церквей и населенія православнаго въ нашей Вильнѣ. Даже по изслѣдованіямъ польскаго писателя и историка Крашевскаго—въ Вильнѣ существовало до уніи 16 церквей и не менѣе половины ея жителей исповѣдывали вѣру русскую, т. е. православную [3]). Свидѣтельствуютъ также объ этомъ существовавшія тогда православныя епархіи: митрополичья, Полоцкая, Туровская, Пинская, съ частями сосѣднихъ епархій—Луцкой, Холмской, Черниговской, Смоленской, Кіевской, захватывавшихъ собою окраины нынѣшней Сѣверо-Западной Руси. Невозможно было и думать, чтобы всю эту западно-рускую церковь съ ея іерархіею и паствою можно было обратить въ одинъ или нѣсколько пріемовъ въ латинство, какъ это казалось творцамъ Городельскаго акта. Для вѣрнѣйшаго достиженія этой цѣли, въ концѣ XVI вѣка была придумана церковная унія. Ловко задуманная и съ такою же ловкостью введенная, унія довершила то, къ чему стремилась латино польская партія въ Литвѣ при Ягеллѣ и Витовтѣ. Почти всѣ епархіи православныя были отданы приверженцамъ уніи; путемъ неслыханныхъ насилій православное населеніе сихъ епархій было совращено сначала въ унію, а потомъ въ латинство. Что сдѣлала унія въ нашей православной Вильнѣ? До уніи въ Вильнѣ считалось не менѣе 14 православныхъ храмовъ; половина жителей ея несомнѣнно исповѣдывали православную вѣру; въ магистратахъ, состоявшихъ изъ 24 радцевъ и 20 бурмистровъ, въ силу грамоты Сигизмунда I (1536 г.) [4]) одна половина была—„закона римскаго“, а другая—„закона греческаго“. Въ первой половинѣ XV ст., при нашей Св.-Троицкой церкви было пять братствъ: панское (изъ дворянъ), купецкое, кожемяцкое, кушнерское и россkoe,—по урочищу Росса; во главѣ ихъ стояло церковное братство, знаменитое въ исторіи первоначально Св.-Троицкое, а потомъ, по отнятіи уніатами Св.-Троицкой церкви,—Св.-Духовское. Что-же сдѣлала унія? Бурнымъ потокомъ пронеслась она по всей Западной Россіи, увлекая и поглощая все, что легко поддавалось ей, и сокрушая то, что сопротивлялось. Отъ величественныхъ древнихъ храмовъ въ Вильнѣ—Пречистенской, Спасской, Пятницкой, Никодимовской.., къ концу XVII в. остались однѣ жалкія развалины; на мѣстѣ святомъ, тамъ, гдѣ стояла Пятницкая церковь, по свидѣтельству автора Лиѳоса,—Петра Могилы, водворилась мерзость запустѣнія; базиліане построили здѣсь кабакъ, строенія же, воздвигнутыя православными съ благотворительною цѣлію, отдали подъ публичный домъ. Отъ другихъ же церквей, существовавшихъ до уніи, Воскресенской, Юрьевской, Покровской, Св. Петра и др. не осталось и слѣдовъ ихъ существованія [5]). Вмѣсто русскаго языка во всѣхъ государственныхъ учрежденіяхъ и въ общественной жизни введенъ языкъ польскій; изъ многочисленныхъ жителей г. Вильны „закона греческаго, націи русской“, какъ называли встарину православныхъ, къ концу XVII ст. въ ней считалось православныхъ *всего 40 человѣкъ*, числившихся при единственной тогда православной Св.-Духовской церкви. Куда же дѣвались всѣ эти люди? [1]) Куда дѣвались знаменитые княжескіе и дворянскіе роды, которые въ началѣ уніи, не смотря на всѣ преимущества, предоставленныя папистамъ, оставались въ вѣрѣ своихъ предковъ и потомкамъ своимъ завѣщали, чтобы они—„въ благочестіи старожитнаго послушенства церкви святое восходнее были?“ [2]) Гдѣ князья Острожскіе, потомки знаменитаго поборника православія Константина Острожскаго, строителя многихъ церквей, въ томъ числѣ и нашей Св.-Троицкой—каменной и Св.-Николаевской каменной?.. Гдѣ князья Тышкевичи, предокъ которыхъ Янъ Скуминъ-Тышкевичъ пристроилъ къ правой стѣнѣ нашей Св.-Троицкой церкви прекрасную часовню во имя Благовѣщенія Пресв. Богородицы и подъ сводами ея склепъ, завѣщавъ погребсти въ немъ прахъ свой? Гдѣ князья Огинскіе и Воловичи, строители и благотворители нашего Виленскаго Св.-Духова, Евейскаго и Кронскаго монастырей? Гдѣ Ходкевичи, строители Супрасльскаго монастыря?.. Гдѣ князья Вишневецкіе, Друцкіе-Горскіе, Масальскіе, Полубинскіе, Пузины, Сангушки, Сапѣги, Чарторыжскіе и пр. и пр.?.. Гдѣ именитые граждане, потомки „Ѳеанасія Ѳедоровича Браги, бурмистра места Виленского“, погребеннаго вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Антономъ подъ сводами нашей Св.-Троицкой церкви въ 1576 г., какъ о томъ свидѣтельствуетъ русская надпись на плитѣ въ правой стѣнѣ?.. Всѣ они перешли въ унію, а потомъ въ латинство, одни,—князья и дворяне,—прельщенные выгодами, особыми правами и преимуществами, предоставленными дворянамъ—папистамъ, какъ напр., сенаторскимъ кресломъ; другіе—мѣщане—ради хлѣбныхъ и почетныхъ мѣстъ въ магистратахъ, или просто изъ-за куска хлѣба, какъ напр., всѣ желавшіе попасть въ тотъ или другой ремесленный цехъ. „Когда откроется въ Вильнѣ вакантная должность бурмистра или райца,—писалъ въ Римъ уніатскій митрополитъ Гавріилъ Коленда,—то болѣе богатые изъ схизматиковъ (т. е. православныхъ) добровольно обращаются въ унію изъ страстнаго желанія достигнуть этой почести; жены и дѣти ихъ, отрекшись отъ схизмы (православія), являются на исповѣдь къ оо. базиліанамъ (Троицкимъ), принимаютъ у нихъ св. причастіе и представляютъ письменное удостовѣреніе о своемъ обращеніи въ унію магистрату, который послѣ этого и допускаетъ новообращеннаго на вакантную должность“ [3]). Бѣдняки, живущіе трудами рукъ своихъ, допускались въ купеческія братства и ремесленные цехи неиначе, какъ подъ условіемъ—сходить предварительно на исповѣдь къ тѣмъ же оо. базиліанамъ, въ Св.-Троицкій монастырь, и принести удостовѣреніе въ принадлежности къ уніи [4]). Къ услугамъ тѣхъ и другихъ, и богатыхъ и бѣдныхъ, всегда, во всякое время дня, готовъ былъ знаменитый гонитель православныхъ, игуменъ Св.-Троицкаго

---

[1]) Писарь земскій долженъ писать всѣ бумаги, выписи и позвы по русски, Статутъ. Розд. IV, п. 1.

[2]) Употребленіе русскаго яз въ судопроизводствѣ окончательно отмѣнено въ 1697 г. Volum legum. T. V, стр. 862.

[3]) Крашевскій, Wilno. T. 3, стр. 66—69.

[4]) Собр. др. грам. г. Вильны и Трокъ. ч. I, стр. 53.

[5]) Памят. рус. старины, VI, стр. 53.

---

[1]) Прошеніе игумена Виленскаго Св.-Духова монастыря Даніила въ Св. Синодъ о жалкомъ состояніи сего монастыря. Архивъ Лит. дух. конс. Дѣло 1795 г. № 99.

[2]) Собр. актовъ г. Вильны. Ч. II, стр. 111.

[3]) Батюшковъ, Памят. рус. стар. VI, 14.

[4]) Гарасевичъ, Annales ecclesiae Ruth. p. 244.

монастыря Іосафатъ Концевичъ, который, сидя на камнѣ у монастырскихъ воротъ, тащилъ къ себѣ на исповѣдь всякаго прохожаго, не обращая никакого вниманія на то, желалъ-ли уловленный имъ исповѣдываться и готовъ-ли къ исповѣди [1]). Въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, по свидѣтельству митрополита Іосифа Сѣмашко, ни въ Вильнѣ, ни въ ея окрестностяхъ и вообще во всей сѣверо-западной части Виленской губерніи, уніатовъ почти вовсе не было[2]). Такимъ образомъ—злая искра и ниву сожгла и сама безслѣдно пропала.

Что-же видимъ мы теперь, на исходѣ XIX-го вѣка, въ нашемъ многострадальномъ Западно-русскомъ краѣ,—въ нашей Вильнѣ? Видимъ воздвигнутыя изъ развалинъ наши древнѣйшія святыни, во всѣхъ государственныхъ учрежденіяхъ видимъ русскихъ людей; вездѣ, въ общественныхъ мѣстахъ и собраніяхъ, на улицахъ и площадяхъ, слышимъ нашу родную русскую рѣчь, и сами ведемъ бесѣду на родномъ намъ языкѣ свободно, не опасаясь подвергнуться за таковую смѣлость оскорбленіямъ и даже оплеваніямъ, какъ это было до 60-хъ годовъ. Всѣ мы чувствуемъ, что мы у себя дома, а не на чужбинѣ, что мы уже не рабы чуждой намъ вѣры и націи. Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!.. Кому же мы обязаны столь быстрымъ переворотомъ и въ столь короткое сравнительно время, между тѣмъ какъ унія и латинство работали надъ уничтоженіемъ въ нашемъ краѣ всего православнаго, русскаго два слишкомъ столѣтія?... Чья могучая рука не дала потухнуть послѣдней малой искрѣ древняго благочестія въ нашемъ краѣ и въ частности въ нашей Вильнѣ? Кто пробудилъ въ русскомъ обществѣ сознаніе, что нашъ край—русскій, а не польскій, и такимъ былъ искони? Это тѣ незабвенные дѣятели, тѣ вѣрные сыны отечества и доблестные царскіе слуги, имена которыхъ всѣмъ и каждому изъ насъ извѣстны и памятны,—это—приснопамятный митрополитъ Іосифъ Сѣмашко, М. Н. Муравьевъ, М. Н. Катковъ, М. О. Кояловичъ, на дняхъ почившій (20 марта) П. Н. Батюшковъ и многіе другіе достойные ихъ сподвижники. Память объ нихъ да сохранится изъ рода въ родъ!...

[1]) Кояловичъ, Церк. унія, т. 2, прим. 175.
[2]) Записки, т. 1, стр. 42.

Начало христіанства въ Польшѣ и степень его послѣдующаго распространенія въ первоначальную эпоху существованія польскаго государства.

Введеніе и предварительныя свѣдѣнія. Литературный очеркъ.

Вопросъ о началѣ христіанства въ Польшѣ принадлежитъ къ числу такихъ (вопросовъ), которые вообще мало разработаны въ наукѣ. Брошюра преосвящ. Иннокентія, подъ заглавіемъ „О началѣ христіанства въ Польшѣ“, въ этомъ отношеніи, правда, очень цѣнная и заслуживаетъ большого уваженія. Слабая ея сторона заключается только въ томъ, что она не имѣетъ строгой обоснованности въ выводахъ. Въ ней очень много дѣльныхъ замѣчаній, поражающихъ своею новизною и не встрѣчающихся во многихъ другихъ сочиненіяхъ, касающихся того-же предмета. Жаль только, что замѣчанія эти приводятся нѣсколько голословно. Мы же, съ своей стороны, не имѣли возможности строго провѣрить ихъ, вслѣдствіе отсутствія въ этой брошюрѣ ученыхъ примѣчаній и ссылокъ, которыя, впрочемъ были написаны преосв. Иннокентіемъ, но остались ненапечатанными, а потомъ и совсѣмъ затерялись, какъ объ этомъ говорится въ примѣчаніи на стр. 1-й той же брошюры. Кромѣ брошюры преосв. Иннокентія, по вопросу о началѣ христіанства въ Польшѣ, можно также находить много драгоцѣнныхъ указаній, доказательствъ и выводовъ въ другихъ сочиненіяхъ, какъ-то: у Петрушевича, Лотоцкаго, Фризе, Бѣловскаго, Мацеевскаго, Чернаго, Шафарика, Папроцкаго, преосв. Макарія, въ Науковомъ сборникѣ [1]); равно также этотъ вопросъ затрогивается во всѣхъ исторіяхъ Польши, особенно-же церковныхъ, каковы исторіи: Островскаго, Булинскаго (церковныя), Бобржинскаго, Шуйскаго, Бандтке, Реппеля (граждан.) и др., а также въ системахъ исторій: Нарушевича, Лелевеля, Нарбутта и др. Подробныя свѣдѣнія о свв. Кириллѣ и Меѳодіѣ мы почерпали въ Москвитянинѣ за 1843 г., въ такъ называемыхъ паннонскихъ житіяхъ, помѣщенныхъ въ Изборникѣ изд. въ память св. Меѳодія на слав. яз. 1886 г. СПБ., а также у Лавровскаго и, отчасти, у Миклошича.

Для второй половины нашего сочиненія, именно для разсмотрѣнія дальнѣйшаго распространенія христіанства въ Польшѣ, послѣ первоначальнаго его принятія, обильный матеріалъ мы почерпали въ польскихъ лѣтописяхъ и хроникахъ, каковы—Галла, Кадлубка, Богухвала и Длугоша [2]), а также въ сборникахъ (Полн. собр. русск. лѣтоп. и Бѣловскій—Monum. pol. hist.), системахъ польскихъ исторій и въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ монографическаго характера [3]). Въ дополненіе, мы прилагаемъ общій алфавитный перечень всѣхъ источниковъ и пособій, которыми мы пользовались и которые цитируются нами въ предлагаемомъ сочиненіи [4]).

[1]) Точныя заглавія всѣхъ этихъ сочиненій будутъ приведены нами ниже въ общемъ алфавитномъ перечнѣ. Первые 6 авторовъ (Петр. Лотоц., Фр., Бѣлов., Мацеев. и Черн.) даютъ сравнительно больше свѣдѣній по интересующему насъ вопросу, чѣмъ остальные. Въ Науков. Сборникѣ, впрочемъ, есть очень важная для насъ статья, на которую мы и будемъ ссылаться. У Фризе весь первый томъ (его Kirchengeschichte des Konigreichs Polen.) направленъ къ тому, чтобы доказать первоначальное существованіе въ Польшѣ восточн. православія, а не латинскаго исповѣданія и чтобы яснѣе представить, какъ оно постепенно уступало мѣсто латинскому.

[2]) Всѣ они написаны на языкѣ латинскомъ и сплошь переполнены разными легендами и баснями. Надобно замѣтить вообще, что изъ всей длинной эпохи среднихъ вѣковъ, почти до самаго XV столѣтія, поляки не могутъ похвалиться ни однимъ памятникомъ роднаго языка (за нѣкоторыми мелкими исключеніями), изъ котораго (т. е. памятника) можно было бы почерпать свѣдѣнія о первоначальной исторіи поляковъ. Ни одинъ славянскій народъ не представляетъ въ этомъ отношеніи такой бѣдности, какъ поляки. Причиною этого служитъ то обстоятельство, что вмѣстѣ съ латинскою проповѣдью въ Польшу проникъ и латинскій языкъ, который надолго присвоилъ себѣ исключительное господство и даже совершенно подавилъ было народный польскій языкъ. См. Шафарикъ Слав. древн. т. II, кн. 2, стр. 116—117.

[3]) Считаемъ нужнымъ отмѣтить, что при занятіяхъ по вопросу настоящаго изслѣдованія мы пользовались руководящими замѣчаніями и указаніями достоуважаемаго профессора С.-Петерб. дух. академіи И. С. Пальмова, къ которому не можемъ не питать искренней благодарности. Къ сожалѣнію, не всѣ его указанія остались выполненными. Авторъ.

[4]) При этомъ мы будемъ ставить знакъ* надъ именами тѣхъ авторовъ, пользованіе которыми у насъ не простиралось

Baliński i Lipiński—Starożytna Polska pod względem historycznym, jeograficznym i statystycznym opisana przez Michała Balińskiego i Tymotheusza Lipińskiego. Wydanie drugie, poprawione i uzupełnione przez Martynowskiego, tom I—IV. Warszawa. 1885.

Бандтке—Исторія государства польскаго, перев. съ польскаго, томъ 1-й. С.-Петербургъ. 1830.

Biełowski August—Monumenta Poloniae Historica. Pomniki dziejowe Polski, t. I—III. Львовъ. 1864—1872.

Biełowski Aug.—Wstęp krytyczny do dziejow Polski. Lwow. 1850.

Бобржинскій М.—Очеркъ исторіи Польши; переводъ съ 3-го польск. изданія, подъ редакціей профессора СПБ. университета Карѣева. Томъ 1. С.-Петербургъ. 1888.

Boguphali chronicon Poloniae, находящійся въ „Silesiacarum rerum scriptores“ tom II, изд. Sommersberg. Lipsiae. (Исторія его въ 4 книгахъ доведена до 1249 г.)

Buliński—Historya kościoła polskiego, tom 1 Kraków. 1873.

Czerny Fran. Zawiązki państwowe i kościelne Czech, Polski i Węgier. Kraków. 1872. (Сочиненіе это написано тенденціозно, но всетаки очень полезно для выясненія вопроса о началѣ христіанства въ Польшѣ).

Damalewicz* Vitae Wladislawiensium Episcoporum. Cracow. 1642.

Его-же* Archiepiscoporum Gnesnensium series. Varsaviae. 1669.

День за 1862 г. № 30.

Dlugossi Joannis sev Longini Historiae Polonicae libri XII. Francofurti, anno 1711, въ 2-хъ томахъ. Во 2-мъ томѣ приложена также хроника Кадлубка съ комментаріями анонимнаго писателя.

Encyklopedyja Powszechna. Warszawa, томы III и XXVIII-ой.

Friese—Kirchengeschichte des Konigreichs Polen von Ursprunge der christlichen Religion in diesen Reiche.. von Christian Gottlieb von Friese. Breslau. 1786, томъ 1-й.

Galli Martini chronicon; adjecit Joannes Vincentius Bandkie. Varsaviae MDCCCXXIV—1824. (Хроника его доведена до 1120 года. Особенно обширно Галлъ разсказываетъ о царствованіи Болеслава Храбраго, а о послѣдующихъ короляхъ довольно кратко. Текстъ его хроники перемѣшанъ съ разными выдержками изъ римскихъ классиковъ).

Гильфердинъ, томъ 4-й. Исторія Балтійскихъ Славянъ. С.-Петербургъ. 1874.

Йзборникъ слꙋ́жбы, житїѧ̀, словеса̀ похва̑лна ѝ а̑ка̑ѳїстъ ст҇ымъ оу҆чт҇лемъ словѣ́нскимъ Кѵ̈рі̀ллꙋ ѝ Меѳодїю ѿбдержа́й. Йздадесѧ въ па́мѧть ѿ дни̑ ст҇а́го Меѳодїа. Санктъ-петербꙋргъ ҂аѿпѕ. (Мы пользовались помѣщенными здѣсь на славянскомъ языкѣ пространными житіями свв. Кирилла и Меѳодія).

далѣе провѣрки цитатъ, или просто общихъ ссылокъ, заимствованныхъ нами изъ другихъ сочиненій.

Kadłubkonis Vincentii episkopi Czacoviensis Historia Polonica cum commentario Anonymi—помѣщена во 2-мъ томѣ въ приложеніи къ исторіи Длугоша „Historiae Polonicae Długossi“ (Хроника Кадлубка состоитъ состоитъ изъ 4-хъ книгъ и обнимаетъ періодъ времени отъ начала польской исторіи до 1204 года. По обилію легендъ и разныхъ басенъ Кадлубэкъ превосходитъ собою Галла).

Лавровскій—Кириллъ и Меѳодій, какъ православные проповѣдники у Западныхъ Славянъ, въ связи съ современною имъ исторіею церковныхъ несогласій между востокомъ и западомъ. Харьковъ. 1863.

Lelewel Joachim. Polska wieków średnich (czyli Joachima Lelewela w dziejach narodowych Polskich postrzeżenia). Poznań, т. I—IV, изд. 1846—1851 гг.

Letowski*—Katalog biskupów krakowskich. Kraków. 1852. t. 1.

Лотоцкій Аѳанасій (въ монашествѣ Амросій)—Церковно-историческое и статистическое описаніе Варшавской православной епархіи Почаевъ. 1863.

Lubieński*—Series vitae resgestae Episcoporum Plocensium descriptae Cracoviae. 1642.

Maciejowski—Historya prawodawstw słowiańskich, wydanie drugie t. I—VI (мы пользовались только вторымъ томомъ). Warszawa. 1858.

Мацеевскій—Исторія первобытной христіанской церкви у славянъ. Изъ книги Мацеевскаго „Pamiętniki o dziejach, piśmiennictwie i prawodawstwie słowian“ перевелъ Евецкій. Варшава 1840.

Maciejowski—Pamiętniki o dziejach, piśmiennictwie i prawodawstwie słowian, jako dodatek do historyi prawodawstw słowiańskich, przez siebie napisanej, tom I i II, изд. w Petersburgu i Lipsku. 1839.

Макарій архіепископъ Харковскій (московскій митроп.). Исторія христіанства въ Россіи, до равноапостольнаго князя Владиміра, какъ введеніе въ исторію русской церкви. Изданіе 2-е. С.-Петербургъ. 1868.

Макарій, митроп. московск.—Великія Четьи-Минеи за мѣсяцъ Май.

Makłaszewski. Rys historyi Polskiej изд. 1823.

Miklosicz*—Vita s. Methodii Russico-Słovenice et Latine. Vindobonae. 1870.

Moraczewski*—Dzieje Rzeczypospolitej polskiej, tom I. Poznań (1864—7).

Москвитянинъ за 1843 г., томъ III.

Naruszewicz Adam—Historya narodu polskiego; wydanie nowe, t. I—X (мы пользовались первыми 5-ю томами) изд. w Lipsku. 1836.

Науковый Сборникъ издаваемый литературнымъ общество галицко-русской матицы. Львовъ. 1865 и 1866.

Narbutt M Dzieje starożytne narodu litewskiego. Wilno, t. I—IX.

Ossoliński*—Wiadomości historyczno-krytyczne do dziejów litteratury polskiej... Kraków. 1819. tom II (przypisy).

Ostrowski Teodor—Dzieje i prawa kościoła polskiego. tom I. Poznań. 1846.

Pagi*—Critica historico-chronologica in universos Annales Ecclesiasticos Baronii, t. IV, 1727.

Paritius*—Notata quaedam de episcopatu Vratislaviensi Cracoviae. 1820.

Paprocky Bartosz, Herby rycerstwa bolskiego, wydanie Kazimierza Józefa Turowskiego. Kraków. 1858

Pertz*—Monumenta Germaniae historica... edidit Georgius Heinricus Pertz; tomus III. Hannoverae. MDCCCXXXVIII—1838.

Петрушевичъ А. С. „Краткое историческое извѣстіе о введеніи христіанства въ Предкарпатскихъ странахъ во времена свв. Кирилла и Меѳодія тихже учениками и проповѣдниками". Львовъ. 1882.

Полное собраніе русскихъ лѣтописей, изданное по Высочайшему повелѣнію Археографическою коммисіею. Томъ I (Лаврентьевская и Троицкая лѣтописи) и томъ II (Ипатьевская лѣтопись) С.-Петербургъ. Изд. 1843 и 1846 г.

Seykowski*—Dni roczne sw. zakonu kaznodziejskiego. Kraków. 1743.

Smolka*—Mieszko stary i jego wiek. Warszawa. 1881.

Sokołowski*—Ruiny na ostrowie jeziora Lednicy, studyum nad budownictwem w przedchrześciańskich i pierwszych chrześciańskich wiekach w Polsce (сочиненіе это помѣщено въ журналѣ Pamiętniki Akademii Umiejętności w Krakowie. 1876. tom III, 117—227).

Sommersberg см. гдѣ указанъ Boguphali chronicon.

Stredowski—Sacra Moraviae historia, sive vita ss. Cyrilli et Methudii. Solizbach. MDCCX. 1710.

Starowolski*—Vitae antistitum Cracoviensium. Crac. 1558

Szujski Józef—Historyi polskiej treściwie opowiedzianej ksiąg dwanaście, wydanie nowe w Warszawie. 1889.

Uldyński—Geografia Starożytna stosowana do dzisieyszey z krótką wiadomością, o chronologii... drukowana w Poczajowie i w Krzemiencu. 1819.

Шафарикъ—Славянскія древности, переводъ съ чешскаго О. Бодянскаго. Томъ II, книга II-я, Москва. 1848.

Географическій очеркъ.

Неоднократные примѣры изъ общей и частной исторіи христіанской церкви убѣждаютъ насъ, что началу и успѣшному распространенію христіанства въ той или другой странѣ много содѣйствуютъ внѣшніе дѣятели: сосѣдство и общеніе языческихъ народовъ съ христіанскими, счастливое географическое и топографическое положеніе страны, или государства, брачные союзы владѣтельныхъ языческихъ домовъ съ христіанскими и т. п. При посредствѣ такихъ дѣятелей, происходило невольное сближеніе язычниковъ съ христіанами, обмѣнъ мыслей и вѣрованій, или, точнѣе сказать, заимствованіе и усвоеніе чистыхъ и высокихъ христіанскихъ идей языческими народами, находящимися на низшей ступени развитія. Упомянутые дѣятели не мало содѣйствовали распространенію христіанскаго ученія и въ Польшѣ, а потому нельзя было пройти о нихъ молчаніемъ. И, прежде всего, въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія географическое положеніе этой обширной страны. Итакъ, гдѣ же эта страна находилась, какія ея, приблизительно, границы и каковы ея географическія условія?

Страна, извѣстная въ исторіи подъ именемъ Польши, въ древнее время (т. е. въ началѣ ея исторіи въ IX и X вв.) занимала великую равнину, простиравшуюся съ сѣвера на югъ отъ Балтійскаго моря до Карпатскихъ горъ, и съ востока на западъ отъ береговъ Вислы и до Одера и притока его Бобра. Окружающими ее народами были: на сѣверѣ—Балтійскіе славяне, на западѣ—Полабскіе славяне и Чехи, на югѣ—Моравы и Угры и на востокѣ—литовскія племена: Дулѣбы, Бужане и Ятвяги. Пространство, занимаемое Польшей, представляло собою почти сплошную низменность съ весьма немногими возвышеніями и холмами [1]. Природа щедро одарила Польшу чрезвычайнымъ обиліемъ обширныхъ прекрасныхъ лѣсовъ, съ богатымъ населеніемъ животнаго царства, привлекавшимъ вниманіе сосѣдей,—лѣсовъ, до того порѣдко густыхъ, что, по старинной пословицѣ, въ нихъ не могъ свободно летать и комаръ. Такое обиліе лѣсовъ, представляя естественное хранилище влаги, создавало особыя климатическія условія. Частые дожди и трудный доступъ солнечныхъ лучей, вслѣдствіе густыхъ лѣсовъ, были причиной того, что въ этомъ краѣ постоянно возрасталъ запасъ воды [2], которая искала себѣ естественнаго пути къ ближайшему Балтійскому морю. Этими путями были рѣки—Висла и Одеръ съ многочисленными притоками. Такой внѣшній видъ страны не мало затруднялъ сухопутное сообщеніе и развивалъ судоходство, такъ какъ здѣсь удобнѣе всего были для пути русла рѣкъ, соединявшихъ города и деревни. Можно сказать, сама природа призвала этотъ край къ торговымъ и промышленнымъ предпріятіямъ и сношеніямъ. Рано поэтому здѣсь началось движеніе по дорогамъ, устроеннымъ самою природою. Заселеніе страны, торговля, путешествія, завоеванія,—все это первоначально шло по направленію рѣкъ. Надъ ихъ высокими берегами воздвигнуты были первыя городища и первые христіанскіе храмы. Кромѣ того, были, однако, здѣсь и сухопутныя дороги. Съ древнѣйшихъ временъ существовало два торговыхъ пути, направлявшихся къ берегамъ Балтійскаго моря, которое выбрасывало изъ нѣдръ своихъ, дорого цѣнившійся янтарь—предметъ торговыхъ предпріятій съ незапамятныхъ временъ. Одинъ путь направлялся изъ Италіи, другой изъ Греческихъ колоній, расположенныхъ по берегамъ Чернаго моря. Такимъ образомъ, въ Польшѣ встрѣчались двѣ цивилизаціи: изъ Италіи, чрезъ франкское и нѣмецкое государства, шла цивилизація запада, а изъ Греціи, чрезъ Россію и Паннонію, проникала цивилизація востока (Бобржинскій—54). Вслѣдствіе торговыхъ сношеній,—вмѣстѣ съ обмѣномъ товаровъ и другихъ естественныхъ произведеній, поневолѣ долженъ былъ происходить и обмѣнъ мыслей. Такія связи и сношенія не могли проходить безслѣдно для Польши; на жителяхъ этой страны онѣ должны были отразиться благотворными послѣдствіями, что доказываетъ постепенное, безъ сильныхъ потрясеній, водвореніе здѣсь христіанства.

Въ предѣлахъ этой страны, съ ея указанными географическими условіями, мы и будемъ вращаться въ настоя-

---

[1]) Весьма подробное описаніе мѣстностей Польши смотр. у Reppela Dzieje Polski, tom I, str. 5—18.

[2]) Здѣсь было множество озеръ, болотъ, рѣкъ, рѣчекъ, ручьевъ и пр.

щемъ нашемъ изслѣдованіи. Но при этомъ мы должны сдѣлать маленькую оговорку. Такъ какъ очень часто многія событія, происходившія внѣ границъ Польши, имѣли однако же прямое или косвенное отношеніе и вліяніе на судьбу ея христіанства и вызывали то или другое историческое явленіе въ сферѣ мѣстной церковной жизни, то намъ необходимо иногда выходить изъ означенныхъ предѣловъ и болѣе или менѣе подробно обозрѣвать и излагать эти событія. Смотря на предметъ съ этой точки зрѣнія, мы въ особенности должны отвести нѣкоторое мѣсто въ нашемъ изслѣдованіи—исторіи христіанства въ сопредѣльныхъ съ Польшею странахъ.

Историко-этнографическій очеркъ.

Страна, описанная нами выше, въ древности населена была народомъ славянскаго племени, которое занимало обширныя пространства земли въ бассейнахъ Вислы, Днѣпра и Дона. Въ теченіи долгаго времени было очень трудно снять темную завѣсу, покрывавшую первую колыбель и первоначальную судьбу славянъ. Справедливо поэтому замѣтилъ Гердеръ, что славяне больше на землѣ, нежели въ исторіи занимаютъ мѣста [1]). Но, оставляя въ сторонѣ разсужденіе о славянахъ вообще и ихъ первоначальной исторіи, мы перейдемъ къ разсмотрѣнію, такъ называемыхъ, славянъ ляшскихъ, или польскихъ, которые заселили вышеуказанныя земли [2]).

Съ того времени, какъ мы встрѣчаемъ первыя извѣстія о славянахъ, отъ V-го до конца VIII-го вѣка, ни одинъ изъ современныхъ дѣеписателей не упоминаетъ о полякахъ. Это можно объяснить тѣмъ, что польскій народъ къ тому времени еще не успѣлъ выдѣлиться отъ другихъ славянскихъ племенъ, или же, быть можетъ, по своей малочисленности и дикому состоянію, оставался еще въ неизвѣстности, подобно другимъ дикимъ народамъ [3]).

Древнѣйшее названіе поляковъ было—ляхи, лехи и лехиты. Несторъ—одинъ изъ древнѣйшихъ писателей, у котораго имя „Ляхи" прямо употребляется о всѣхъ надвислянскихъ вѣтвяхъ. У него сказано: „Ляхове же присѣдятъ къ морю Варяжскому... Словѣни же сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхове". Самая даже страна у него называется „Ляхы": „Святополкъ же бѣжа въ Ляхы... прибѣжа въ пустыню межю Ляхы и Чехы" [4]). Но надо замѣтить, что сами поляки никогда себя такъ не называли, а называли себя просто славянами, или же разными частными названіями отдѣльныхъ вѣтвей. Ляхами же ихъ звали, большею частью, Литовцы и Русскіе, обозначая этимъ словомъ, несомнѣнно, мѣстность, въ которой они жили. Ляхъ значитъ житель низменности луговой земли [5]). Такъ, по литовски Lenkas—ляхъ, а lenke—лугъ, низменное мѣсто; къ этому же корню относятся и польскія названія: łąg, łęka, которыя означаютъ лугъ [1]). Болѣе извѣстнымъ было названіе поляковъ „Полянами". Названіе это, по всей вѣроятности, какъ говоритъ Buliński [2]), произошло также отъ мѣстности, занимаемой поляками, т. е., отъ полей, или равнинъ, на которыхъ эти народы обитали. Названіе полянъ употребляется въ двухъ смыслахъ: въ тѣсномъ и обширномъ. Въ тѣсномъ смыслѣ оно употреблено у Нестора (см. выше) въ примѣненіи къ одной изъ вѣтвей ляшскаго племени, жившей на западѣ отъ Вислы (въ окрестностяхъ рѣки Варты, отъ верхней Ноточи до города Сѣрада), въ отличіе отъ другихъ вѣтвей того-же польскаго племени, какъ-то: Мозовшанъ, Поморянъ, Лютичей, Силезцевъ и другихъ. Въ обширномъ же смыслѣ, оно прилагается ко всѣмъ вообще ляшскимъ народамъ во всей совокупности и такимъ образомъ, служитъ какъ бы общимъ обозначеніемъ всего польскаго племени. Причиною же, почему названіе отдѣльной вѣтви польскаго племени перешло на цѣлое племя, служитъ то, что эта вѣтвь съ самаго начала исторической жизни Польши получила преобладающее и господствующее значеніе среди другихъ вѣтвей, такъ что даже столица тогдашнихъ ляшскихъ князей (г. Гнѣзно) находилась въ предѣлахъ полянъ [3]). Позднѣйшее названіе „Поляки" произошло отъ того-же корня, что и поляне и значеніе этого названія такое-же, какъ и названіе „Поляне".

Какъ сейчасъ упомянуто, великое польское племя состояло изъ многихъ мелкихъ отдѣльныхъ вѣтвей. А именно къ польскому племени принадлежали слѣдующіе народы:

1) Поморяне, обитавшіе по берегамъ Балтійскаго моря отъ Вислы и до Одера и составлявшіе отрасль Балтійскихъ славянъ [4]). Поморяне рѣкою Персантою раздѣлялись на двѣ небольшія группы: на западныхъ, или переднихъ, восточныхъ, или заднихъ поморянъ. Для насъ собственно имѣютъ значеніе только восточные поморяне, жившіе ближе къ Вислѣ и извѣстные также подъ именемъ Кашубовъ, такъ какъ они только и раздѣляли историческія судьбы другихъ польскихъ вѣтвей [5]).

2) Мазовшане, или мазуры, жившіе по среднему теченію Вислы. Они, вслѣдствіе частыхъ нападеній сѣверныхъ

---

[1]) Czerny—Zawiązki Państwowe i kościelne Czech, Polski Węgier, str. 10.

[2]) См. довольно подробное изложеніе исторіи польскихъ славянъ до половины IX в., на основаніи польскихъ и иноземныхъ источниковъ у Шафарика—Славян. древн. т. II, стр. 136—146.

[3]) Вандтке. Исторія государства польскаго, т. I, стр. 22.

[4]) Полное собраніе Русск. Лѣтоп. т. 1, стр. 3; см. также многочислен. ссылки у Шафарика на Нестора изд. Тимк.

[5]) Нѣкоторые производятъ названіе Ляховъ отъ Леха, прадѣда Великой Польши, но откуда и когда прибылъ и появился Лехъ—это составляетъ Гордіевъ узелъ, разрѣшеніе и объясненіе котораго создало столько теорій, что по справедливости можно сказать въ этомъ отношеніи «quod capita, tot sensus».

[1]) Гильфердингъ. Исторія Балтійскихъ Славянъ. СПБ. 1874 г., стр. 6—7; см. также у Reppela—Dzieje Polski, t. I, str. 31, примѣч. 2.

[2]) Hist. kośc. polsk. t. I, str. 59—60 и примѣч. тамъ-же.

[3]) Болѣе обширныя и обстоятельныя разсужденія о происхожденіи названій: «Ляхи», «Лехъ», «Поляне» см. у Шафарика—Славянскія древности, т. II, книга 2, стр. 189—200 и у Naruszewicza—Historya narodu polskiego, т. III, книга 4-я и томъ IV, книга 5-я.

[4]) Къ поколѣнію Балтійскихъ Славянъ, кромѣ поморянъ принадлежали еще Лютичи и Оботриты, или Бодричи, но ихъ мы не причисляемъ къ категоріи поляковъ, не смотря на ихъ племенное сходство съ послѣдними, собственно потому, что они съ первыхъ же шаговъ исторической жизни обособились отъ поляковъ и подпали подъ вліяніе особыхъ историческихъ обстоятельствъ, не имѣвшихъ прямого отношенія къ историческимъ судьбамъ собственно польскаго народа. По той-же причинѣ мы не причисляемъ сюда и обширной вѣтви полабскихъ славянъ, хотя эти послѣдніе въ эпоху VII—IX вв. также находились въ нѣкоторомъ племенномъ родствѣ съ поколѣніемъ ляховъ. Впрочемъ, строго говоря, полабскіе славяне уже гораздо ближе соприкасались съ поколѣніемъ Чеховъ древнихъ сербовъ. См. Гильфердингъ—Исторія Балтійскихъ славянъ, стр. 5 и прим. 2-е.

[5]) Подробнѣе см. у Шафар. т. 2, кн. 2, стр. 165—175.

и восточныхъ варваровъ, выработали въ себѣ довольно рано воинственный духъ, но за то въ культурномъ отношеніи далеко отстали отъ другихъ народовъ, долгое время оставались дикими и жили почти исключительно охотой и разбоями [1]).

3) Куявы, жившіе къ сѣверо-западу отъ Мазовшанъ, между полянами (въ тѣсномъ смыслѣ) и мазурами, на востокъ отъ верхней Нотечи. Первоначально они составляли часть поляковъ, но потомъ были отторгнуты отъ нихъ и присоединены къ Мазовецкому княжеству [2]).

4) Силезцы—жители Силезіи, расположенной на верхнемъ теченіи Одера, возлѣ Карпатскихъ горъ. Въ составъ Силезцевъ входили также мелкія племена Бобранъ (обитавшихъ въ верхнемъ теченіи Бобра), Дѣдошанъ (въ нижнемъ теченіи Бобра), Бесунчанъ и Ополянъ (въ восточной части Силезіи) [3]).

5) Бѣлые Хробаты, или Хорваты, жившіе на сѣверномъ склонѣ Карпатскихъ горъ—по верхнему теченію Вислы и Сана, гдѣ протекаютъ рѣчки: Вислокъ и Дунаецъ. Они состояли нѣкоторое время въ подчиненіи Моравянъ и Чеховъ и потому находились подъ вліяніемъ ихъ цивилизаціи, которая со временъ свв. Кирилла и Меѳодія имѣла Византійское происхожденіе. Сюда христіанство проникло раньше всего и, при томъ, по греко-славянскому обряду, который держался здѣсь очень долго. Здѣсь у хорватовъ былъ замѣчательный въ древней Польшѣ городъ Краковъ, отчего и сама эта страна называется часто Краковскимъ краемъ, или Краковскою областію.

и 6) Поляне (въ тѣсномъ смыслѣ)—племя, жившее въ центрѣ польскихъ славянъ и граничившее на сѣверѣ съ поморянами, на западѣ съ лютичами, на югѣ съ силезцами и хробатами и на востокѣ—съ мазурами. Пользуясь своимъ выгоднымъ географическимъ положеніемъ, это племя спокойно и успѣшно развивалось.

Является вопросъ, какимъ образомъ изъ этихъ отдѣльныхъ племенъ возникло польское государство и какая его первоначальная исторія?

Древнѣйшая исторія Польши, съ одной стороны, покрыта глубокимъ мракомъ, вслѣдствіе отчужденности и отдаленности Польши отъ главныхъ центровъ средневѣковой исторической жизни, а съ другой стороны, загромождена цѣлой массой легендъ и басенъ, въ которыхъ изслѣдователю очень трудно разобраться и доискаться до истины. Ни у одного славянскаго народа такимъ множествомъ легендъ и басенъ не искажена первоначальная исторія, какъ у поляковъ. Шафарикъ выводитъ отсюда, во 1-хъ, что въ Польшѣ на самомъ разсвѣтѣ истинной исторіи (въ IX в.) процвѣтала также, какъ на Руси, въ Чехіи и др., народная поэзія, а во 2-хъ, что этой поэзіи должны были предшествовать времена очень обильныя счастливыми и несчастными событіями, отголоскомъ которыхъ она и была [4]). Мы не будемъ вдаваться въ туманную область разсмотрѣнія этихъ многочисленныхъ легендъ и преданій, которыя передѣлывали и излагали лѣтописцы каждый по своему, и наконецъ Длугошъ соединилъ ихъ произвольно въ одно цѣлое, не будемъ вдаваться, главнымъ образомъ, потому, что эти басни не объясняютъ того, какимъ образомъ слабая племенная организація въ Польшѣ замѣнилась государственной. Слѣдуя въ этомъ случаѣ Бобржинскому и признавая его соображенія объ этомъ [1]) вполнѣ резонными, мы намѣрены привести только преданіе лѣтописца Галла о Пястѣ, какъ единственно, болѣе или менѣе, правдоподобное и дающее возможность судить о первоначальномъ возникновеніи Польскаго государства изъ Лехитскихъ племенъ. Преданіе это разсказываетъ, что въ Гнѣзнѣ одновременно праздновали пострижины своихъ сыновей князь Попель и бѣдный земледѣлецъ Пястъ. По непостижимому промыслу Божію, случилось такъ, что на эти празднества пришли два какихъ-то неизвѣстныхъ странника. Въ княжескомъ домѣ ихъ не приняли; тогда они отправились къ Пясту, который устроилъ имъ очень радушный пріемъ. Странники эти, въ благодарность Пясту, совершили чудо: кушанья и напитки во все время пиршества не только не истощались, а напротивъ умножались въ количествѣ, такъ что Пястъ, съ позволенія этихъ странниковъ, пригласилъ на празднество даже самого князя Попеля и его гостей. Надъ сыномъ Пяста въ это время былъ совершенъ обрядъ постриженія, при чемъ дано было ему имя Земовита. Всѣ присутствовавшіе на этомъ чудесномъ пиру предсказывали новопостриженному сыну Пяста блестящее будущее, которое дѣйствительно скоро и осуществилось. Князь Попель, въ непродолжительномъ времени послѣ этого былъ изгнанъ изъ княжества, а на его мѣсто былъ выбранъ Земовитъ, сынъ Пяста [2]). Это преданіе Галла, менѣе искаженное, сравнительно съ другими преданіями, не позволяетъ намъ искать начала Польши при помощи гипотезъ, лишенныхъ всякаго основанія, какъ это дѣлаютъ другіе историки [3]). Начало польскаго государства объясняется [4]) завоеваніемъ и соединеніемъ славяно-польскихъ племенъ княземъ одного изъ этихъ племенъ. Толчкомъ къ завоеванію послужили частыя нашествія нѣмцевъ на сосѣдніе славянскіе народцы, которыя не могли не отражаться и на болѣе дальнихъ—внутреннихъ народцахъ—полянахъ, жившихъ по рѣкѣ Вартѣ. Сознаніе общей опасности со стороны нѣмцевъ вызывало у отдѣльныхъ народ-

---

[1]) Бобржинскій—Очеркъ исторіи Польши, стр. 59.

[2]) Шафарикъ—Славян. древн. т. 2, кн. 2, стр. 203—204.

[3]) Тамъ-же, стр. 161 и 209.

[4]) Шафарикъ—Слав. древ., т. 2, кн. 2, стр. 135.

---

[1]) Бобржинскій—Очеркъ исторіи Польши стр. 60—64.

[2]) Martini Galli chronicon. ed Bandkie, pag. 19—28. Въ этой легендѣ, какъ говорятъ Szujski (Historya Polska str. 12) и Reppel Dzieje Polski I, str. 79), можно усматривать слабый намекъ на историческое воспоминаніе о первомъ появленіи христіанскихъ миссіонеровъ въ Польшу, но объ этомъ мы мы скажемъ впослѣдствіи.

[3]) Историческая школа Лелевеля (см. объ исторической школѣ Лелевеля и ея послѣдователяхъ у Бобржинскаго—Очеркъ исторіи Польши стр. 18—30) придерживается гипотезы объ иноземномъ вмѣшательствѣ въ дѣлѣ возникновенія польскаго государства. Послѣдователи этой школы говорятъ, что Ободриты (вѣтвь балтійскаго славянъ, обитавшая въ нижнемъ теченіи Лабы), подвергавшіеся частымъ нападеніямъ нѣмцевъ и не имѣвъ возможности дать послѣднимъ надлежащій отпоръ, не смотря на выработанную ими военную организацію, отправились искать для себя новыхъ поселеній и завоевали племя, жившее на рѣкѣ Вартѣ, а потомъ и другія племена и, такимъ образомъ, положили начало образованію польскаго государства. Но, во 1-хъ, въ исторіи нѣтъ никакихъ данныхъ, подтверждающихъ это, а во вторыхъ, въ дальнѣйшей исторіи польскаго народа не видно никакихъ слѣдовъ и послѣдствій такого иноземнаго завоеванія (см. Бобринскій, стр. 36 и 62 въ примѣч.).

[4]) Много прекрасныхъ и дѣльныхъ соображеній по вопросу объ образованіи польскаго общества и государства можно найти въ сочин. Smolski—Mieszko stary i jego wiek. Warszawa. 1881 г.

цевъ стремленіе къ самозащитѣ и оборонѣ, способствовало усиленію власти князей-воеводъ и вообще заставляло ихъ все болѣе и болѣе объединяться. Весьма вѣроятно, что одинъ изъ такихъ князей—Земовичъ побѣдилъ сосѣдняго князя, котораго въ свою очередь, избралъ орудіемъ для покоренія новаго князя и т. д. Такимъ образомъ, князь покорялъ подъ свою власть все новыхъ и новыхъ народцевъ, пока, наконецъ, не соединилъ подъ своею властью всѣ народы польскаго племени. Такъ произошло Польское государство. Вслѣдствіе отсутствія явныхъ историческихъ свидѣтельствъ, нельзя съ точностью опредѣлить время этихъ событій, но несомнѣнно только одно, что завершеніе этого великаго дѣла (т. е. образованіе польскаго государства) принадлежало Мечиславу I-му и Болеславу Храброму [1]). Со времени Мечислава I-го начинается уже и самая исторія Польши, мѣстами хотя все еще затемненная баснями, тѣмъ не менѣе всетаки уже болѣе или менѣе вѣроятная. Періодъ же времени, предшествующій Мечиславу I-му, можетъ быть названъ баснословнымъ, сомнительнымъ, хотя, впрочемъ, и объ этомъ періодѣ, особенно со времени Земовита, какъ мы увидимъ далѣе, можно находить и свидѣтельства достовѣрно историческія. Такое распредѣленіе первоначальной исторіи Польши на періоды—1) баснословный, сомнительный и 2) историческій—заимствовано нами у Бандтке [2]).

Краткое замѣчаніе объ образѣ жизни и характерѣ древнихъ поляковъ. Главными занятіями ляховъ были съ древнѣйшихъ временъ: охота, рыбная ловля, пчеловодство, хлѣбопашество и скотоводство. Послѣднія, т. е. хлѣбопашество и скотоводство, со времени введенія въ Польшѣ христіанства, стали брать все большій и большій перевѣсъ надъ звѣроловствомъ, въ чемъ, пожалуй, можно подмѣтить, какъ говоритъ Бобржинскій [3]) вліяніе уже христіанской цивилизаціи на Польшу. По характеру своему поляки, въ древности, отличались тѣми-же чертами, какими характеризуется вообще славянское племя. Гостепріимство, гуманныя отношенія къ невольникамъ, склонность къ музыкѣ, выносливость и способность къ тяжелому труду, любовь къ свободѣ и независимости, которая простиралась до того, что при первыхъ посягательствахъ на нее, они хватались за оружіе [4]),—вотъ отличительныя черты славянъ вообще, а вмѣстѣ съ тѣмъ и лехитовъ.

Краткія свѣдѣнія о языческой религіи древнихъ поляковъ.

При разсмотрѣніи вопроса о началѣ и возникновеніи въ Польшѣ христіанства, невольно является (другой) вопросъ—на какой почвѣ возникло это христіанство, какова была прежняя религія у поляковъ, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ чертахъ. Посему весьма естественно будетъ сказать нѣсколько словъ о религіи древнихъ поляковъ. Къ сожалѣнію только, надо замѣтить, историческіе памятники даютъ весьма немного свѣдѣній объ ихъ прежней—языческой религіи [5]). Изъ нихъ болѣе всего важенъ, какъ говоритъ Бандтке, Прокопій, а изъ позднѣйшихъ Длугошъ,

[1]) Бобржинскій—Очеркъ исторіи Польши, стр. 60—64.
[2]) Исторія государ. польск., т. 1, стр. 17—68.
[3]) Очеркъ исторіи Польши стр. 80.
[4]) См. Reppel—Dzieje Polski t. 1, str. 25 и 46.
[5]) О языческой религіи другихъ славянъ (кромѣ поляковъ и отчасти русскихъ и чеховъ) имѣются важныя и обширныя свѣдѣнія; объ этомъ см. у Бандтке т. 1, стр. 56.

Матѳей Меховскій и Бѣльскій, которые сообщили нѣкоторыя свѣдѣнія о бывшемъ въ Польшѣ язычествѣ; но эти свѣдѣнія такъ перепутаны, славянскія божества такъ перемѣшаны съ римскими, что и ихъ труды въ этомъ отношеніи почти теряютъ свою цѣну. При томъ же, они представляютъ по большей части одни мимолетныя замѣтки, одно перечисленіе боговъ и богинь, праздниковъ и пр., одно указаніе на то, что совершалъ народъ въ извѣстное время, не говоря сколько религіознаго смысла соединялъ онъ съ своими обрядами. Отсутствіе послѣдняго весьма важнаго обстоятельства приводитъ изслѣдователя на скользкій путь догадокъ и предположеній. Онъ не можетъ во имя истины и науки смотрѣть на религіозныя представленія древнихъ поляковъ-язычниковъ такъ, какъ смотрѣли на нихъ древніе лѣтописцы и писатели, считавшіе ихъ порожденіемъ бѣсовъ. Онъ долженъ вникнуть въ этотъ языческій культъ, показать степень развитія и укорененія этого культа въ сознаніи народа, его силу и обстановку, указать на то, возникъ ли этотъ культъ вслѣдствіе искренней потребности ихъ духа, или же явился подъ воздѣйствіемъ другой жизни, вслѣдствіе подражанія или другихъ условій. Въ этомъ случаѣ вышеупомянутые немногіе письменные памятники еще недостаточны. Они уловили одну только внѣшность, уловили то, что совершалось воочію и поражало христіанское чувство и умъ наблюдателей своею странностію и контрастомъ съ христіанскими представленіями. Но изслѣдованіе и разсмотрѣніе этого повело бы насъ далеко отъ нашей прямой задачи и потому мы считаемъ достаточнымъ ограничиться въ настоящемъ случаѣ только краткими указаніями и свѣдѣніями о языческой религіи въ Польшѣ, представляя интересующимся объ этомъ почерпать нѣкоторыя уже собранныя свѣдѣнія у Naruszewicza, t. 2, ks. 3 и t. IV, ks. 5, у Шафарика, Бандтке, Narbutta, Ostrowskiego, Гильфердинга, Бобржинскаго, Balińskiego, Szujskiego и пр.

Языческая религія древнихъ поляковъ была заимствована, частію отъ Саксонцевъ, а главнымъ образомъ отъ древнихъ грековъ и римлянъ, которые съ древнѣйшихъ временъ служили главнымъ зерномъ язычества, распускавшимъ свои отростки повсюду. Боги Олимпа и Капитолія, убѣгая дальше и дальше отъ свѣта христіанства, какъ будто нарочно направлялись на сѣверъ въ предѣлы славянскихъ племенъ, чтобы здѣсь еще нѣкоторое время насладиться дымомъ жертвенныхъ приношеній и затѣмъ уже сойти съ того пьедестала, на которомъ поставила ихъ фантазія человѣка. Такъ, у поляковъ мы находимъ обожаніе Юпитера, Марса, Плутона, Цереры, Венеры, Діаны, которые у нихъ извѣстны были подъ именами: Jessa, Ladona, Niji, Marżanny, Zezylii, или Diedzilii, Dziewanny, или Ziewanny [1]). Кромѣ того были и другія божества, каковы „Lelum Polelum", или, что тоже, Касторъ и Поллуксъ, также Погода, Посвистъ, а равно боготворились еще лѣса, рощи, деревья, горы, молнія, громъ (piorun), мѣсяцъ, звѣзды и пр. Изъ праздниковъ особеннаго упоминанія заслуживаетъ два: 25-го Мая и 25-го Іюня (Czerwca). Принимая во вниманіе такую близость этихъ праздниковъ одного отъ другого, можно думать, что это былъ одинъ праздникъ, продолжавшійся цѣлый мѣсяцъ [2]). Изъ языческихъ святынь упоминаются только три: одна въ Гнѣзнѣ въ честь Плутона, другая на Лысой горѣ въ честь Кастора

[1]) См. Naruszewicz—Historya narodu polsk., t. IV, ks. 5; Ostrowski—Dzieje i prawa kośc. polsk. t. 1, str. 21 и др.
[2]) Тамъ же, т. 1, стр. 17.

и Поллукса, гдѣ теперь находится знаменитый по древности костелъ Бенедиктиновъ, и третье въ Краковѣ неизвѣстно въ честь кого,—гдѣ теперь костелъ св. Троицы. Быть можетъ были и другія святыни, но больше никакихъ напоминаній мы не находимъ. Можно думать поэтому, что настоящихъ языческихъ храмовъ вообще у древнихъ поляковъ было немного, но за то, вмѣсто нихъ, много было священныхъ лѣсовъ и рощъ, гдѣ ставились алтари и приносились жертвы...

Вообще мы должны сказать о языческой религіи въ Польшѣ, что она носила на себѣ тотъ характеръ, какой свойственъ языческой религіи вообще. Чисто національныхъ особенностей въ ней почти не было замѣтно: такіе-же жрецы, такіе же обряды, какъ и у другихъ язычниковъ. Нужно только отмѣтить одну черту поляковъ-язычниковъ, которая притомъ имѣла большое значеніе въ отношеніи къ распространенію христіанства въ Польшѣ,—это величайшую ихъ вѣротерпимость къ чужимъ религіямъ (tolerancya) [1]. Будетъ вѣчною заслугою польско-языческаго духовенства, говоритъ Ostrowski [2]), что оно, не смотря на свое огромное вліяніе на народъ, не предпринимало никакихъ преслѣдованій въ отношеніи къ распространявшейся христіанской вѣрѣ. Примѣръ этой вѣротерпимости виденъ, хотя-бы въ томъ, что поляки въ концѣ IX вѣка охотно допустили оффиціальное пребываніе моравскихъ и чешскихъ бѣглецовъ-христіанъ въ своей столицѣ [3]). Особенно-же рельефно выразилась эта черта поляковъ въ 1096 году, когда они приняли охотно въ свое государство Евреевъ, убѣгавшихъ отъ преслѣдованія Нѣмцевъ и Чеховъ, которые насильно принуждали ихъ къ принятію крещенія [4]). Что же касается причинъ продолжительнаго существованія язычества въ Польшѣ, то таковыми были съ одной стороны, дикость народа и вслѣдствіе этого трудный доступъ къ нему иноземнаго просвѣщенія, а съ другой—жестокости Нѣмцевъ, проповѣдывавшихъ христіанство почти исключительно съ политическою цѣлью и своими насиліями и притѣсненіями внушавшихъ только ненависть къ своей проповѣди.

ЧАСТЬ I-я.

Начало христіанства въ Польшѣ.

Глава I-я.

Чѣмъ служатъ для каждаго отдѣльнаго человѣка воспоминанія изъ времени его дѣтства, тѣмъ же служатъ для цѣлыхъ народовъ ихъ первые шаги на обширной сценѣ исторіи. Какъ первый, такъ и вторые, считая позади себя значительное число лѣтъ или вѣковъ, съ любовью оглядываются назадъ на свое прошлое, чтобы осмыслить его, оцѣнить важность обстоятельствъ, которыя безповоротно отдѣляютъ ихъ отъ момента ихъ возникновенія, и чтобы составить себѣ болѣе или менѣе вѣрный взглядъ на дѣловитость первыхъ своихъ праотцевъ—предковъ. Въ этомъ отношеніи, весьма важное значеніе имѣетъ вопросъ о началѣ христіанства у извѣстнаго народа, такъ какъ такое событіе, какъ введеніе христіанства, обыкновенно сопровождается коренны̂мъ измѣненіемъ цѣлаго общества, вноситъ высшій смыслъ

[1]) Ostrowski—Dzieje i prawa kośc. polsk., t. 1, str. 34, także Lelewel—1, 285.

[2]) Ostrowski—I, str. 31—32.

[3]) Тамъ же, т. I, стр. 31, 36.

[4]) Buliński—Historya kośc. polsk. t. 1, str. 408.

въ самую его жизнь, облагороживаетъ высшіе его слои и оказываетъ сразу свое благодѣтельное вліяніе вообще на всю массу населенія. Вслѣдствіе этого съ увѣренностью можно сказать, что вопросъ о началѣ христіанства почти совпадаетъ, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, съ вопросомъ о началѣ цивилизаціи извѣстнаго народа. Особенно же это надо сказать о полякахъ. Изслѣдованіе по вопросу о началѣ христіанства въ Польшѣ имѣетъ важное значеніе не для одной только церковной исторіи, но также и для исторіи политическаго и культурнаго развитія поляковъ, такъ какъ съ введеніемъ христіанства начинается въ исторіи Польши новая эпоха, укрѣпляется и возрастаетъ основанное этимъ народомъ государство и возникаютъ первые проблески просвѣщенія.

Указавъ на важность вопроса о началѣ христіанства у поляковъ, необходимо также сказать нѣсколько словъ о чрезвычайной трудности точнаго и правильнаго разрѣшенія его. Причиной упомянутой трудности служитъ, главнымъ образомъ, недостатокъ историческихъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ, который (т. е. недостатокъ) въ свою очередь объясняется пристрастіемъ польскихъ лѣтописцевъ и историковъ къ греко-славянскому обряду.

Польскіе историки и лѣтописцы, ослѣпленные латинствомъ, отчасти не знали, а отчасти и знать не хотѣли о томъ, что еще прежде крещенія Мечислава I, т. е. еще со временъ свв. Кирилла и Меѳодія существовало греко-восточное христіанство въ Польшѣ. Самое воспоминаніе о немъ считали они неумѣстнымъ, или даже опаснымъ [1]). Такой взглядъ на греко-славянскій обрядъ происходилъ, главнымъ образомъ, изъ политическаго антагонизма къ Руси, гдѣ греко-восточный обрядъ былъ господствующимъ [2]). Польскіе историки и лѣтописцы старались всѣми силами изглаживать, вмѣстѣ съ слѣдами восточнаго исповѣданія, и память о немъ въ народѣ, придавая своему вѣроисповѣданію характеръ и тонъ исповѣданія первобытнаго. На ряду съ этимъ, чтобы чѣмъ-нибудь наполнить пустоту первоначальнаго періода латинской церкви въ Польшѣ, они (главнымъ образомъ Длугошъ) старались какъ можно болѣе отодвигать въ древность начало латинскихъ епископствъ и, такимъ образомъ, произвели такую путаницу и допустили такъ много противорѣчій въ отношеніи къ хронологіи, что впослѣдствіи даже самые ревностные ихъ защитники не могли, не смотря на все свое желаніе, поддержать ихъ и отстоять предъ судомъ исторіи справедливость ихъ показаній. Позднѣйшіе польскіе историки не только не ставили своею задачей отыскать слѣды первобытнаго православія, но даже считали за грѣхъ собирать ихъ тамъ, гдѣ они сами представлялись ихъ взору. Преосвященный Иннокентій, со словъ Бандтке, передаетъ, что при Сигизмундѣ III въ 1622 году іезуиты, захвативъ въ свои руки библіотеки и цензуру книгъ, всенародно жгли среди Варшавы все то что казалось несогласнымъ съ ихъ взглядами [3]).

Самое исповѣданіе греко-восточное польскіе историки, изъ ненависти къ нему, называли не иначе, какъ язычествомъ или варварствомъ. Это отчасти было заимствовано отъ обычая западно-европейскихъ народовъ римско-католическаго вѣроисповѣданія, которые называли язычниками въ

[1]) Петрушевичъ. Краткое историч. извѣстіе о введеніи христіанства... стр. 19—20.

[2]) Тамъ же, стр. 24.

[3]) О началѣ христіанства въ Польшѣ изд. Кіевской Археографической комиссіи, стр. 32 въ примѣч.

часныхъ и оффиціальныхъ сношеніяхъ послѣдователей греко-восточнаго ученія. Обыкновеніе это началось со временъ Фотія (патріарха) и продолжалось весьма долго [1]). По примѣру западно европейцевъ-католиковъ и польскіе историки усвоили это обыкновеніе и начали ставить христіанство по славянскому обряду наряду съ „поганьствомъ“. Такъ напр., извѣстно, что Длугошъ называлъ греко-славянскій обрядъ и греческую вѣру идололатріею: „Theodoricus genere Ruthenus“, пишетъ онъ, „et qui idololatria relicta rectam fidem professus erat, Rutheni qui et ipsi catholici aestimari solunt“ [2]). Въ виду этого, чтобы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ отличить, кого надо разумѣть — дѣйствительно-ли язычника, или исповѣдника греко-восточной церкви,—надо строго и точно разсмотрѣть всѣ обстоятельства, приводимыя исторіею о каждомъ отдѣльномъ лицѣ и сопоставить ихъ съ другими историческими свидѣтельствами [3]).

Пристрастное и несправедливое отношеніе польскихъ историковъ и лѣтописцевъ къ греко-славянскому обряду послужило причиной того печальнаго обстоятельства, что въ наукѣ даже до настоящаго времени не выработалось вполнѣ устойчиваго взгляда на начало христіанства въ Польшѣ. Между учеными по этому вопросу существуетъ большое разногласіе и каждый изъ нихъ старается рѣшить этотъ вопросъ по своему, отдавая преимущество, то тѣмъ, то другимъ историческимъ основаніямъ. Разногласіе ученыхъ касается главнымъ образомъ первоначальной формы христіанскаго вѣроисповѣданія въ Польшѣ, при чемъ одни ученые (какъ наприм. Нарушевичъ, Островскій, Булинскій, Реппель и др.) говорятъ, что въ Польшѣ съ самаго же начала распространилось и укрѣпилось римско-католическое вѣроисповѣданіе, другіе же (какъ напр. Мацеевскій, Фризе, Петрушевичъ, Иннокентій, Лотоцкій и др.) утверждаютъ наоборотъ,—что въ Польшѣ первоначально распространено было христіанство по греко-восточному обряду и что только потомъ уже оно было вытѣснено римско-католическимъ вѣроисповѣданіемъ, которое съ теченіемъ времени получило перевѣсъ и, наконецъ, совсѣмъ восторжествовало надъ православіемъ.

Сравнивъ взгляды тѣхъ и другихъ и взвѣсивъ приводимыя ими научныя основанія, мы присоединяемся къ послѣднему мнѣнію, т. е. признаемъ, что первоначально въ Польшу проникло дѣйствительно греко-восточное вѣроисповѣданіе и, что только впослѣдствіи, отчасти при Мечиславѣ I и особенно послѣ него, католичество взяло рѣшительный перевѣсъ. При томъ же, такой взглядъ, если можно такъ выразиться, какъ то невольно пробивается сквозь призму пристрастныхъ сужденій самихъ даже польско-латинскихъ писателей, какъ это мы и постараемся раскрыть далѣе.

Анатолій Саковичъ.

---

[1]) Извѣстно, что римскіе прелаты называли исповѣдниковъ греко-славянской вѣры язычниками, варварами, равно также и сами папы не стыдились прилагать эти же оскорбительные эпитеты къ православнымъ, считая послѣднихъ заодно съ татарами. Мацеевскій—Исторія первобытн. христ. церкви у славянъ, стр. 122 и 168.

[2]) Dlugossi «Historica Polonica» I, lib. VII, стр. 785, 849; сравн. Петрушев. 43, 59.

[3]) Обо всемъ этомъ см. Мацеевскаго—Исторія первобытн. церкви у славянъ, стр. 73, 121—122 и 168; Петрушевичъ 59 и Иннокентій 33.

Хрестоматія по исторіи Западной Россіи. Учебное пособіе для учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. 1892 г. Сост. А. Турцевичъ.

Въ недавнее время наша учебная литература обогатилась книгою, заглавіе которой мы выписали. Потребность имѣть спеціальное пособіе при изученіи исторіи Западной Россіи, примѣненное къ мѣстнымъ потребностямъ, сознавалась давно. Еще усмиритель Сѣверо-Западнаго края М. Н. Муравьевъ, положившій твердыя основы для развитія жизни и дѣятельности его на чисто русскихъ началахъ, съ цѣлію разъясненія вѣрной, отвѣчающей дѣйствительнымъ фактамъ, исторіи края и въ видахъ скрѣпленія этой окраины Россіи съ ея государственнымъ центромъ на чисто духовныхъ началахъ, путемъ проясненія народнаго самосознанія, предложилъ конкурсъ на составленіе учебника по русской исторіи „примѣнительно къ нуждамъ Сѣверо-Западнаго края“. Продолжающееся извращеніе фактовъ изъ исторіи Западной Россіи со стороны лицъ, которыя упорно закрываютъ глаза на истину, дѣлало и дѣлаетъ появленіе указанной книги въ настоящее время столь же желательнымъ и необходимымъ, какимъ оно было тридцать лѣтъ назадъ, когда былъ объявленъ сказанный конкурсъ. Судьбы западной Россіи въ различные періоды ея существованія, хотя и составляли предметъ спеціальныхъ изслѣдованій, но добытыя ими данныя, по самому характеру этихъ изслѣдованій, имѣли малое распространеніе даже среди образованной части общества, и такимъ образомъ оставались почти безрезультатными въ отношеніи пробужденія народнаго самосознанія въ коренныхъ жителяхъ края и въ отношеніи проясненія многихъ существенныхъ вопросовъ изъ историческаго прошлаго западно-русской окраины. Теперь, съ появленіемъ труда г. Турцевича, такому положенію дѣла, можно думать, наступилъ конецъ. Въ настоящее время всякій мало-мальски образованный человѣкъ, интересующійся судьбою западной Россіи, можетъ найти полное удовлетвореніе своей любознательности въ названной книгѣ.

Изданная г. Турцевичемъ хрестоматія обнимаетъ всѣ періоды существованія западной Россіи—съ древнѣйшихъ временъ до возсоединенія уніатовъ съ православною церковью,—акта, завершившаго присоединеніе къ Россіи отторгнутаго въ теченіе многихъ вѣковъ древняго достоянія ея. Въ вышедшей въ свѣтъ хрестоматіи нашли себѣ мѣсто всѣ выдающіеся моменты изъ жизни западной Россіи и при томъ въ изложеніи по даннымъ, представляемымъ послѣдними историческими изслѣдованіями. Особенность хрестоматіи г. Турцевича состоитъ въ томъ, что въ ней многія статьи представляютъ собою не простую перепечатку отрывковъ изъ изслѣдованій того или другого автора по тому или другому вопросу, а переработаны самимъ издателемъ на основаніи изслѣдованій иногда нѣсколькихъ авторовъ. Вслѣдствіе этого хрестоматія г. Турцевича отличается значительной послѣдовательностію въ изложеніи событій изъ исторіи западной Россіи, а не носитъ исключительно эпизодическаго характера, какимъ отличается большинство хрестоматій. Вообще книга г. Турцевича составлена вполнѣ добросовѣстно и съ серьезнымъ знаніемъ дѣла. Министерство народнаго

просвѣщенія достойно оцѣнило трудъ г. Турцевича, одобривъ его книгу въ качествѣ пособія при преподаваніи исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Всѣ, такъ или иначе интересующіеся судьбою западной Россіи, надѣемся, скажутъ г. Турцевичу за его трудъ искреннее спасибо. Мы, съ своей стороны, кромѣ того, желаемъ книгѣ г. Турцевича самого широкаго расиространенія. Считаемъ не лишнимъ прибавить, что книга издана вполнѣ безукоризненно и представляетъ большой томъ въ 776 стр. убористой печати. (Вил. Вѣст.)

Послѣднее публич. чтеніе въ Литовской дух. семинаріи.

10 мая, въ зданіи Литовской духовной семинаріи состоялось чтеніе послѣдней въ этомъ учебномъ году публичной лекціи о значеніи преподобнаго Сергія Радонежскаго въ отечественной нашей исторіи.

Лекція была, по своему содержанію, богата матеріаломъ; видно, что авторъ ея много поработалъ надъ избранною темою. Не смотря на довольно продолжительное чтеніе—болѣе $2^1/_2$ часовъ—публика, наполнявшая залъ, терпѣливо ждала окончанія лекціи, во время которой были два перерыва. Хоръ семинарскихъ пѣвчихъ исполнилъ въ началѣ лекціи тропарь „Христосъ Воскресе“, по-гречески, а затѣмъ—„Избранный Воеводо“ изъ акаѳиста преподобному Сергію, концертъ „Блаженъ мужъ, боящійся Господа“ и въ заключеніе—величаніе пр. Сергію.

Василій Павловичъ Балабушевичъ. (*Некрологъ*).

28 апрѣля, утромъ, немногочисленное русское общество въ г. Бѣлѣ было глубоко поражено печальнымъ извѣстіемъ о скоропостижной кончинѣ Василія Павловича Балабушевича, учителя русскаго языка въ здѣшней гимназіи. Еще наканунѣ покойный былъ на урокахъ и вечеромъ посѣтилъ ввѣренныхъ его наблюденію учениковъ. Смерть послѣдовала ночью отъ нервнаго удара.

В. П. Балабушевичъ сынъ священника с. Сухополя Гродн. губ., Пружан. уѣзда, воспитанникъ Литовской семинаріи, по окончаніи курса наукъ въ которой, поступилъ въ с.-петербургскую духовную академію, гдѣ окончилъ курсъ наукъ въ 1880 году и былъ назначенъ въ Вильну помощникомъ смотрителя духовнаго училища. Здѣсь онъ пріобрѣлъ любовь воспитанниковъ и ихъ родителей своею доступностію, любовью къ дѣтямъ и серьезнымъ отношеніемъ къ трудному дѣлу воспитанія. Въ 1883 г. онъ получилъ мѣсто завѣдывающаго Холмскимъ Маріинскимъ женскимъ училищемъ, а спустя шесть лѣтъ былъ назначенъ преподавателемъ русскаго языка въ Бѣльской гимназіи.

Ревностное отношеніе къ исполненію своихъ обязанностей, любовь къ научнымъ занятіямъ, особенно по исторіи западно русскаго края, душевная доброта, чувства товарищества составляли его отличительныя черты. В. П. Балабушевичъ принадлежалъ къ числу скромныхъ но полезныхъ тружениковъ; онъ былъ усерднымъ и даровитымъ сотрудникомъ Л. Е. В. Его перу принадлежитъ полное историческое и археологическое описаніе „Столба“ въ Каменецъ-Литовскомъ. Онъ же обстоятельно описалъ свое родное Село Сухополь. Описаніе это составило объемистую книжку. Sit tibi terra levis!

— По случаю торжества 900-лѣтія учрежденія Волынской епархіи во Владимірѣ Волынскомъ, **на австрійской границѣ учреждено какъ бы осадное положеніе**, чтобы воспрепятствовать переходу галичанъ. Какъ на самой границѣ, такъ и въ ближайшихъ селахъ появилось много жандармовъ, таможенныхъ сторожей и агентовъ, охраняющихъ кордонъ. Произведено много арестовъ въ Подкаменцѣ и другихъ мѣстечкахъ. Въ Бродахъ еще на желѣзнодорожной станціи полицейскимъ агентомъ арестованъ О. Кухарскій изъ Лядского; тамъ же—И. Ляховичъ съ женою, изъ Поморянъ, хотя онъ представилъ законный паспортъ на выѣздъ за границу, и, при выходѣ изъ вагона, Михаилъ Захарчукъ изъ Лядского; его обыскали и посадили подъ арестъ. То же случилось съ Ильей Немировскимъ, пріѣхавшимъ изъ Дунаевокъ къ доктору, по случаю своей болѣзни; его тщательно обыскали и отправили въ тюрьму. На другой день агенты отдали отобранныя у Немировскаго деньги, купивъ ему изъ нихъ билетъ до Краснаго и посадили на поѣздъ.

— **Прокламація украинцевъ извѣстнаго лагера.** По случаю празднованія девятисотлѣтія учрежденія епископской каѳедры во Владимірѣ-Волынскомъ,—говоритъ „Галицкая Русь“,—появилась праклaмація, составленная на малороссійскомъ нарѣчіи съ „фонетическимъ“ правописаніемъ. Прокламація эта вызываетъ „украинцевъ“ не принимать участія во владиміро-волынскихъ празднествахъ. Прокламація написана „бомбастичною фразеологіей“ и переполнена выходками противъ „кацапскаго правительства“. Въ ней говорится, между прочимъ, что 900 лѣтъ тому назадъ „именовалъ нашъ украинскій митрополитъ епископа для Волыни“, что со временемъ „кацапамъ удалось замѣнить нашу историческую литургію схизматическими церемоніями“, что „кацапскій царь“ Петръ I сотворилъ казенное православіе, что предстоящее торжество имѣетъ цѣлью „выкоренить на Волыни и понятіе о вѣрѣ князя Владиміра и укрѣпить кацапскую схизму“, что, наконецъ, „украинцы будутъ праздновать свои церковные юбилеи, когда Украйна сдѣлается независимою“, и проч.

— **От Редакціи.** Въ одномъ изъ слѣдующихъ № Л. Е. В. читатели получатъ самое вѣрное описаніе величественнаго торжества въ г. Владимірѣ Волынскомъ.

Редакторъ, Протоіерей Іоаннъ Котовичъ.

Дозволено цензурою.
Цензоръ Каѳедральный Протоіерей *Петръ Левицкій.*

Вильна. Губернская Типографія.
Ивановская у. № д 11.